

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ИГОРЬ НЕГАТИН
ПРАВО
ВЕРНУТЬСЯ

Игорь Я. Негатин
Право вернуться
Серия «Право вернуться», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9523635
Право вернуться: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2015
ISBN 978-5-9922-1949-4

Аннотация

Вы верите в параллельные миры? Не торопитесь отвечать! Может так случиться, что однажды вас поставят перед этим фактом, как это случилось с Александром Талицким. Есть мир, есть задание и есть возможность открыть туда портал. Он обязан это сделать! Зачем? Парадокс, но Александр обязан уйти, чтобы заслужить... право вернуться.

О мире, куда ему придется отправиться, практически ничего неизвестно. Нет ни карт, ни результатов исследований. Ничего, кроме примерного описания эпохи. Век пароходов, время освоения новых земель и всемирных открытий. Земли, на которых царят суровые законы фронта – шаткое равновесие между порядком и анархией. Золотые прииски, войны скотоводов и таинственная организация, которая охотится за людьми и артефактами из других миров...

Содержание

1	4
2	6
3	10
4	14
5	18
6	22
7	26
8	30
9	34
10	38
11	42
12	46
13	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Игорь Негатин

Право вернуться

Чтоб ты знал, какова тебе в жизни цена с этих пор и на все времена.

Леонид Филатов

1

– Эй, парень! Ты меня слышишь?

Этот хриплый голос, доносящийся снаружи, принадлежал Марку – служителю закона и моему лучшему другу. Если учитывать обстоятельства нашей последней встречи – бывшему. Я посмотрел на лежащий рядом патронташ и даже поморщился. Десять патронов... С таким количеством зарядов мне не выбраться. Тем более что стрелять в Марка и его добровольных помощников совсем не хотелось.

– Право слово, сынок, тебе лучше сдать! Я ведь знаю, что...

Договорить он не успел. Грохнул выстрел, и пуля с глухим стуком ударила в оконную раму над моей головой. Судя по всему, у парней, окруживших мой дом, начали сдавать нервы. Следом послышалась ругань. Марк, не стесняясь в выражениях, покрыл стрелка матом, пообещав оторвать ему голову и набить соломой. Ругался долго и занудливо. Выплывал слова, будто не сквернословил, а жаловался. Даже куража, который отличает изысканную брань от грязной площадной ругани, не было. Наконец он выдохся, перевел дух и опять обратился ко мне:

– Зачем нам впустую тратить патроны? Давай поговорим!

– Как бы не так... – прошептал я и сплюнул. Обвел взглядом избушку, которая три года служила мне надежным пристанищем, и полез в карман за куревом. Достал портсигар и выбрал сигару. Последнюю. Кстати, этот портсигар – подарок Марка, в память о стычке с бандитами. Что и говорить – кровавая была заварушка! Даже вспомнить страшно. Прикурил и с наслаждением вдохнул ароматный дым. Да, курить я так и не бросил. Как ни старался.

Несколько минут законник молчал, а потом опять принялся за свое:

– Выходи на свежий воздух, Алекс! Обещаю, что тебя ждет справедливый суд!

Отвечать не хотелось. Как и выходить наружу, где меня поджидали два десятка мужиков, готовых стрелять во все, что движется и дышит. Тем более в человека, который изрядно потрудился, увеличивая количество надгробий на городском кладбище.

О чем это я? Да, конечно! У нас, если так можно выразиться – вечер знакомств, не так ли? Репортаж с петлей на шее, черт бы меня побрал. Ну что же... Алекс, которого так жаждет увидеть старина Марк, – это я. Если быть точным, Александр Талицкий. К вашим услугам, дамы и господа! Приподнял бы шляпу, но она лежит у порога, пробитая пулей, выпущенной кем-то из этих недоумков. Они так торопились меня прихлопнуть, что не поздоровались и не предложили сдать. Какой уж тут «справедливый» суд!

Мне тридцать пять лет, и пять из них я отдал новой профессии. Какой? Охотник за головами. Звучит не слишком привлекательно, не так ли? Название не совсем точное, и оно, вы уж поверьте мне на слово, не отражает всей сути этого ремесла. Увы, но так повелось в этом мире, который никогда не был добр к нашему брату.

Восемьдесят шесть килограммов чистого веса, при росте метр восемьдесят. Загорелый, темноволосый и сероглазый. Как говорил один покойный приятель: «Нашими лицами детей не напугаешь, но молодые девушки смотрят все реже и реже».

Между прочим, я как раз собирался навести легкий глянец на свою физиономию и сбрить трехдневную щетину. Нагрел воды и даже наточил опасную бритву, но увы – заявились эти бездельники и превратили прелестное утро в какой-то балаган со стрельбой и руганью.

Я потушил сигару, впечатав ее в пол, и отбросил окурок в сторону. Не в моих правилах мусорить, но что уж теперь... Вздохнул и подтянул поближе ружье – «Винчестер» модели 1894 года. Патроны, один за другим, скользнули в трубчатый магазин. В револьвере, который торчал из набедренной кобуры, оставался последний патрон.

Последний патрон, последняя сигара...

Есть в этом некий траурный символизм, не находите? С другой стороны, надежды на благополучный финал эти факты не прибавляли. На ум приходили мысли о скоротечности бытия и свинцовых орешках, которые припасли мои собеседники.

– Алекс!

– Иди ты в задницу, приятель... – устало отозвался я и привалился спиной к бревенчатой стене. Пахло смолой и сторевшим порохом. За окном шумели высокие корабельные сосны. Я закрыл глаза и вспомнил, как все начиналось...

Перед глазами, словно кадры из кинохроники, возник наш мир. Привычный, оставшийся по ту сторону барьера. Залитая полуденным солнцем площадь, толпы празднующегося народу и небольшой ресторанчик, расположенный неподалеку от входа в Александровский сад. Как там говорил мой визави: «Заслужить право вернуться»? Смешно... Все оказалось намного сложнее.

2

История началась шесть лет назад. Некоторые подробности, а зачастую и целые эпизоды начали тускнеть в моей памяти. Иногда кажется, что прошла целая вечность, и тогда... Тогда становится страшно. Не буду описывать всех хитросплетений моего прошлого. Поверьте мне на слово, в нем не было ничего интересного или, более того, героического. Обычный человек, который жил в обычном, привычном для всех мире.

Работал переводчиком в небольшой конторе. Английский и французский языки. Немного знал испанский и совсем плохо – итальянский. Коллеги считали меня нелюдимым занудой, что в общем-то было недалеко от истины.

Мне было двадцать девять лет, когда я стал вдовцом. Жена и маленькая дочка попали в автомобильную аварию. Виновный скрылся с места происшествия, и его не нашли. Полагаю, что даже и не искали. Потом умерла мама. Вернулась из Петербурга старшая сестра, которая приходила в себя после тяжелого развода. Так я и превратился в этого нелюдимого человека, с искалеченным ребенком на руках. В такой ситуации поневоле станешь закрытым. Хотя... Если честно, то я никогда не любил, когда лезут мне в душу.

Близкие... Их не было. Никого, кроме сестры. Мы переехали в Москву лет двадцать тому назад. Мама после развода вернулась в свой родной город, прихватив с собой сестру и меня. Мой брат-близнец остался с отцом. Я всегда полагал, что это жестоко – разлучать братьев, но так уж сложилась жизнь. Когда повзрослел, то несколько раз пытался с ним связаться, но, увы, не вышло. Письма, отправленные на старый адрес, возвращались с пометкой «адресат выбыл», а нового я не знал.

После злополучной аварии и похорон начались поиски дополнительных заработков и обращения в различные фонды и благотворительные организации. Сумма, необходимая для операции и реабилитации, была огромной. Конторы, куда я обращался, вежливо отвечали на письма, обещая рассмотреть и по возможности помочь, но деньги были нужны сейчас, а не через год.

Потом появился этот человек. Появился неожиданно, как это бывает только в дамских романах и сериалах. Он позвонил в пятницу, представился директором благотворительного фонда и предложил встретиться. Разумеется, я согласился. Вы знаете, сколько у меня было таких встреч? До... Много, в общем.

Когда прибыл на встречу, то рабочий день уже закончился, и офисное здание, похожее на граненый стакан, почти опустело. Скучающий, но очень добродушный охранник подсказал дорогу, и вот я оказался перед дверью с незатейливой вывеской, которая сообщала, что за ней находится тот самый благотворительный фонд «Надежда».

Чопорная безгрудая секретарша, наряженная в серый брючный костюм, окинула меня томным взглядом и предложила подождать. Я послушно присел и осмотрелся. Приемная была украшена красочными, но безликими фотографиями. Шкафы, заполненные папками, и пыльный пластиковый веник в глиняном вазоне, который старательно изображал пальму.

Через несколько минут меня пригласили в кабинет. Такой же безликий, как и приемная. Разве что мебель была подороже, а вместо пальмы из горшка выглядывал пухлый кактус с ярко-красным цветком на макушке. Судя по всему, настоящий.

Директор фонда впечатления не произвел. Представился как Владимир Семенович, был подчеркнута вежлив, но холоден. Улыбался, показывал хорошие зубы, но взгляд оставался колючим. Лет сорока с небольшим, худощав, но двигался медленно и вальяжно. Короткая стрижка, седые, уже начинающие редеть волосы. Высокий лоб. Лицо... С этим труднее. Его сложно запомнить и еще труднее описать. Достаточно закрыть глаза или отвернуться, чтобы образ смазался в памяти.

Разговор продолжался не больше десяти минут. Он равнодушно перелистал принесенные мной документы, задал несколько дежурных вопросов и пообещал сделать «все возможное и даже невозможное». Мы попрощались, и я ушел, выругавшись за впустую потраченное время. Разумеется, про себя. К большому удивлению, Владимир Семенович перезвонил через несколько дней и предложил встретиться, чтобы, как он выразился, «уточнить некоторые детали».

Вторая встреча была похожа на первую, с той лишь разницей, что мой визави осторожно интересовался работой, заработками и планами на будущее. Если бы я работал в какой-нибудь секретной организации, то решил бы, что меня вербуют. Неторопливо и осторожно, прижимая к стенке семейными обстоятельствами.

Владимир Семенович был вежлив. Вежлив до отвращения и головной боли. Он говорил медленно, едва шевеля узкими и бесцветными губами. Словно не говорил, а цедил отдельные звуки, которые каким-то чудесным образом складывались в слова.

Как вы смотрите на предложение сменить работу? Как вы относитесь к разумному риску? Готовы ли вы сменить место жительства? Эти и множество других вопросов напоминали собеседование. Неприятная манера разговора, но у меня не было выбора. Приходилось терпеть и слушать. Если честно, то я был готов на что угодно, лишь бы помочь дочери. Что я и сказал, решив покончить с этим допросом. Увы, но работы, как и помощи, Владимир Семенович не предложил. Обещал подумать и перезвонить.

Уже потом, гораздо позже, я понял, что меня просто держали на крючке и ждали, пока созрею. Тем более что сроки поджимали. Нашлась одна клиника в Швейцарии, которая была готова принять дочь на лечение. Кстати, врач был русским. Прекрасный специалист. Про таких говорят – хирург от Бога. Все шансы на успех операции и успешную реабилитацию, если бы не одна проблема – деньги.

Затем была еще одна встреча с Владимиром Семеновичем, на которой он заявил, что фонд не смог найти деньги, но... он может предложить работу, которая позволит мне получить нужную сумму. Вы знаете, когда это услышал, то захотелось встать и съездить ему по морде. Потому что я не представлял себе работу, которая принесет такое количество денег за столь короткий срок.

Видимо, он понял, что еще несколько секунд, и я просто взорвусь. Поэтому быстро убрал улыбку и начал рассказывать. Издали и очень осторожно, словно давал мне возможность обдумать и поверить. Это звучало как бред сумасшедшего, если бы не одно обстоятельство: в случае моего согласия деньги будут перечислены авансом на любой из указанных счетов. Владимир Семенович был так любезен, что дал мне сутки на размышление...

Лето в том году выдалось сухим и жарким. Полыхали торфяники, обрекая столичных жителей на дополнительную порцию смога. Воздух был тяжелым и липким. Он обволакивал тело вязким коконом, отбивая желание двигаться.

Несмотря на это, каменные джунгли были забиты потоками машин и вечно спешащими пешеходами. Мегаполис диктовал правила бытия. Город, который никогда не спит. Предел мечтаний для бесчисленного количества людей, которые всеми правдами и неправдами выгрызали право на столичную жизнь, обрекая себя на вечный и зачастую бессмысленный бег.

Я смотрел на собеседника и не мог понять: за каким чертом он назначил встречу в центре города, забитом одуревшими от жары туристами? Собеседник... Беседа больше напоминала монолог: он говорил, а я слушал. Моих реплик здесь и не ждали. Несмотря на это, возникало какое-то непонятное чувство. Чувство, что для него очень важен ответ. Положительный. Он нервничал. Едва заметно, но нервничал. Помешивал давно остывший кофе, а потом долго теребил бумажную салфетку. Будто оригами складывал.

Мимо ресторанной террасы, где мы сидели, прошла небольшая группа туристов. Их лица блестели от пота, а охрипшая девушка-экскурсовод едва находила силы, чтобы отвечать на бесчисленные вопросы. Она остановилась, окинула взглядом своих подопечных и устало кивнула. Кивнула и поплелась дальше, уводя их к могиле Неизвестного солдата. Медленно и тяжело. Как маленький, но очень упрямый буксир, который тащит переполненную баржу. Жарко...

– Итак, Александр Сергеевич, – продолжил он, – что вы решили? Вам ведь нужны деньги для лечения вашей дочери, не так ли?

Отвечать не было необходимости – Владимир Семенович все знал лучше меня. Поэтому я просто кивнул и потянулся за сигаретами. Перед глазами возникли бесчисленные бумаги и счет за лечение, украшенный хищной черной цифирью.

– Вы слишком много курите... – сухо заметил он, но тут же опомнился и спрятал свой тон за дежурной улыбкой. – Ну да ладно, это не мое дело.

– Брошу. Когда-нибудь.

– Давайте пройдемся, – неожиданно предложил Владимир Семенович и поднялся, даже не вспомнив про неоплаченный счет. Я потянулся за бумажником, но он только отмахнулся:

– Оставьте...

Ну да, конечно. За соседним столиком сидит мордovorот, который пришел вместе с ним. Такому дай оглоблю в руки, так он весь базар разгонит.

Владимир Семенович сделал несколько шагов и тяжело вздохнул. Да, сегодня жарко. Тем более в костюме. Несколько секунд он раздумывал, а потом снял пиджак. Пожалуй, я слегка погорячился с определением статуса. Если человек позволяет себе носить рубашку с коротким рукавом и галстук, то о высоком положении можно сразу забыть. Несмотря на приличный костюм и дорогие часы. Какой-нибудь средний чиновник, не более. Не знаю почему, но мое настроение резко испортилось. Он не был похож на человека, который может решить мои проблемы.

– Итак, что вы решили? – повторил он вопрос.

– Это звучит слишком... – я даже не нашелся с ответом.

– Фантастично?

– Пожалуй.

– Вы не верите в параллельные миры?

– Ну как же... Верю, разумеется. Каждый день их наблюдаю. По телевизору.

– Смешно. – Он кивнул, но лицо так и осталось непроницаемо серьезным.

– Очень.

– Вы любите фантастику?

– Хотите сказать, что фантасты пишут правду?

– Не все, разумеется, но... – Владимир Семенович сделал паузу и даже вздохнул, – людей надо постепенно приучать к мысли, что это возможно.

– Параллельные миры?

– Параллельные? – переспросил он и наконец усмехнулся. – С ними как раз наоборот, все просто и понятно. Они существуют и по мере возможности изучаются. Надо признать этот факт как должное и не удивляться. Нас интересует нечто другое.

– Что именно?

– Вы еще не дали своего согласия, – напомнил он.

– Вы говорили про деньги на лечение моей дочери и деньги на реабилитацию.

– Как только услышу ваш положительный ответ...

– Согласен, – твердо сказал я, будто поставил точку в этих долгих переговорах. – Но мне нужно время, чтобы попрощаться с моими сестрой и дочкой. Нужно оформить документы на опеку.

– Разумеется. – Владимир Семенович остановился и кивнул своему спутнику, который шел следом. – Вас отвезут. В вашем распоряжении четыре часа. Насчет документов можете не беспокоиться – поможем.

– Что будет потом?

– Потом? – переспросил он. – Потом начнется ваша работа. Точнее – подготовка к работе.

– Вот так, сразу?

– Ступайте, Александр, – кивнул Владимир, – у вас не так много времени.

– Да, конечно... Деньги?

– Через полчаса будут переведены на счет вашей сестры и счет швейцарской клиники.

– Благодарю...

3

Надеюсь, вы меня поймете и простите, но я не буду описывать сцену прощания. Сестра у меня взрослая и все прекрасно понимает. Работа. Да, очень далеко. Не знаю, может, на пару лет... Писать? Конечно, буду. По возможности. Дочка... она тоже поймет. Когда подрастет немного. Обещанная сумма уже пришла на банковский счет сестры. Телефонный разговор с врачом из швейцарской клиники окончательно убедил меня, что все серьезно. Деньги из фонда «Надежда» для лечения моей дочери уже перечислены. Вот так... Честный обмен: жизнь на жизнь.

База, на которую меня переправили, оказалась далеко за пределами Москвы. Сначала был долгий перелет на военно-транспортном самолете, а потом еще один – на пузатом вертолете, который всю душу вытряс вибрацией. Поздно вечером, уже в сумерках, мы прилетели в какой-то маленький городок, расположенный на берегу реки. Скрипящий тормозами газик и тряская поездка по лесным дорогам. Примерно через час мы достигли цели путешествия.

Территория, огороженная высоким забором, и железные ворота с контрольно-пропускным пунктом. Проверка документов, еще одни ворота и снова проверка. По глазам мазнул свет фонарика: скрежет ворот, и наконец мы подъехали к двухэтажному зданию. Окрестности тонули в темноте, и лишь над входом горел фонарь, облепленный ночными бабочками.

Комната на первом этаже, кровать с черным инвентарным номером, два шатких стула и письменный стол. Легкий запах йодоформа, присущий всем казенным помещениям. Владимир Семенович, который прилетел вместе со мной, пожелал спокойной ночи и ушел. Я так устал, что сразу и вырубился.

Когда проснулся, на улице уже светило солнце. За окном увидел несколько строений, высокий забор защитного цвета, украшенный колючей проволокой. На столе стоял пластиковый поднос с завтраком. Видимо, я спал так крепко, что даже не слышал, когда его принесли. Колбаса, масло, сыр. Свежий и очень вкусный хлеб. В термос был налит кофе. Едва успел перекусить, как в дверь постучали.

Владимир Семенович окинул меня оценивающим взглядом, благосклонно кивнул и проводил к медикам. Судя по его покрасневшим глазам и легкой небритости, он еще не ложился. Бывает... Как там в песне звучало: «покой нам только снится»? Безликие коридоры, освещенные холодным светом люминесцентных ламп, безликие кабинеты. Даже охранники, скучавшие на своих постах, и те казались безликими.

Медики занимались моей тушкой несколько часов. Брали анализы, подключали какие-то приборы. Тщательно осмотрели тело и недовольно поморщились, найдя старый шрам на бедре. Наконец все было закончено, и Владимир Семенович, успевший подремать в кресле, отвел меня на обед. Обедали в небольшой комнате без окон. Несколько хлипких столиков, легкомысленная клеенка в цветочек и круглолицый молчаливый повар, выглянувший из окошка раздачи.

Вопросов я не задавал, а мой спутник тоже отмалчивался, думал о чем-то своем и молча хлебал борщ. Уехав из Москвы, он как-то расслабился и превратился в обычного человека. Исчезла эта напускная важность. Он стал строже, но проще и даже ближе.

После обеда меня отвели к начальству. Коридоры, подземные переходы... Серьезно здесь ребята устроились, ничего не скажешь. Кабинет начальника меня удивил. Он будто случайно оказался здесь, переместившись из прошлого. Антураж сороковых или пятидесятых годов. На столе шеренга телефонных аппаратов. Даже простенького компьютера не видно. Мебель из натурального дерева, кожаный диван с высокой, неудобной спинкой и настольная лампа с зеленым абажуром. Высокие полки забиты книгами.

Среди казенной серости, которую я здесь видел, этот кабинет был живым оазисом, в котором чувствовалась... не знаю, как это назвать. Душа? Сила? Нет, пожалуй, не так. Здесь чувствовалась мощная энергия государства. Той самой, «ранешней школы», как любил говорить один мой знакомый. Даже в приемной вместо секретарши сидел мужчина. В гражданском костюме, но с безупречной военной выправкой.

Начальник представился Иваном Ивановичем. Ему было около шестидесяти, но выглядел он крепким и сильным мужчиной. Похож на актера Алексея Глазырина, запомнившегося по фильмам «Белорусский вокзал» и «Щит и меч». Суровый взгляд, очки в черной роговой оправе. Серьезный дядька. Не знаю почему, но в памяти возник смутный образ полярника, которого оторвали от привычного ритма жизни и насильно усадили на административную работу. Было в его фигуре что-то основательное и очень знакомое, но память подбрасывала лишь фальшивые, не связанные с реальностью образы.

– Добрый день, Александр Сергеевич.

– Добрый день...

– Присаживайтесь. – Он кивнул на стул и посмотрел на меня поверх очков. – Отдохнули?

– Да, конечно. Готов приступить к работе.

Он хмыкнул и оценивающе прищурился. Что-то неразборчиво пробурчал и открыл папку, поданную Владимиром Семеновичем. Мельком посмотрел на документы и поднял взгляд на меня.

– Готов, говоришь... – Он сцепил руки в замок и покосился на помощника. – Что медики?

– Работают...

– Вот и славно, – кивнул Иван Иванович и опять посмотрел на меня. – Ну что, Александр Сергеевич? Не страшно?

– Нет.

– Это ты, братец, врешь... – протяжно сказал он и усмехнулся. – Вижу, что страшно.

– Немного.

– Двадцать девять лет. Не был, не состоял, не привлекался. Дочери нужна операция. Хм... приличная сумма. Проживает в двухкомнатной квартире со старшей сестрой. Брат-близнец, с которым вы не виделись... – Он перелистал несколько страниц, сделал паузу и поднял на меня вопросительный взгляд.

– Больше двадцати лет. Наши родители разошлись, когда мы были еще маленькими.

– Разлучать братьев-близнецов – не самое лучшее решение, не правда ли? – буркнул он, но я не ответил. Молча пожал плечами. – И что, больше никогда не встречались? – удивленно заломил бровь Иван Иванович.

– Нет. Я пытался его найти, но ничего не получилось.

– Ну да, конечно... Учитывая работу вашего отца, в этом нет ничего удивительного.

Отец, которого уже и не вспомню, работал в закрытом исследовательском институте. По крайней мере, так рассказывала мама незадолго до своей смерти. Рассказывала неохотно, без имен и подробностей. Она избегала таких разговоров и даже уничтожила все фотографии, которые напоминали о прошлой жизни.

– Ну что же... Начнем, пожалуй?

– Пожалуй...

– Ваш брат, Владислав Сергеевич Талицкий...

Братишка у меня оказался молодцом. Окончил университет, работал вместе с отцом и участвовал в одном из закрытых проектов, связанных с изучением параллельных миров. Все это мне поведал Иван Иванович. Он многое рассказал, но, как я уже говорил, некоторые факты стерлись из памяти. Остались лишь те, которые имели отношение к этой истории, да

и то с пробелами. Разговор продолжался довольно долго, и, поверьте, в нем не было ничего интересного. Пока мы не подошли к самой сути...

– Среди параллельных миров, – сказал Иван Иванович, – которые мы изучаем, есть так называемые блуждающие. По российской классификации – «призраки».

– Есть еще и не наша? – поинтересовался я.

– Разумеется, – кивнул он. – По классификации наших зарубежных коллег – «хищники». Они подобны кометам, которые вторгаются в другие миры и быстро исчезают, прихватив какие-нибудь «трофеи». Бывало, целые поселки вместе с людьми исчезали. Изучение таких миров затруднительно, но вашему отцу повезло – ему удалось наладить связь с одним из них. Неустойчивую, но это позволило немного приблизиться к цели.

– Какой именно?

– Извините, Александр, но эта информация вам не нужна.

– При чем здесь мой брат?

– Он был первым, кто сумел перебраться в этот «призрачный» мир. Это произошло три года тому назад. Увы, но связь прервалась.

– Влад погиб?

– Он жив. Маячки, которые имплантированы в его тело, это подтверждают. Сигнал очень слабый, но это особенность всех миров-«призраков».

– Извините, не понимаю, зачем вам понадобился я?

– Дело в том, Саша, что процесс перехода до конца не изучен. Повторить эксперимент, который был проведен вашим отцом, можно лишь с человеком, который...

– Мой отец жив?

– Увы, – начальник развел руками, – будь он жив, мы бы смогли перенастроить эту систему под любого нашего сотрудника. Поверьте, добровольцев хватает.

– Короче говоря, вам нужен дубликат моего брата?

– Можно сказать и так.

– Что я должен сделать?

– Найти Влада и передать средство связи, которое позволит настроить обратный портал для его перехода в наш мир.

– Его?

– Я буду честен, Александр, – сухо сказал начальник и сверкнул линзами очков, – право вернуться – надо заслужить.

– Резонно...

– Ваш брат – подающий большие надежды ученый! Надеемся, что он сможет продолжить дело своего отца. Он нам очень нужен. Живым и здоровым.

– Да, конечно, – кивнул я, – понимаю. Что это за мир?

– Все параллельные миры чем-то похожи.

– Никогда бы не подумал.

– А чего вы ожидали? Эльфов? Орков с драконами? Параллельные миры – это ветви одного дерева. Было бы странно ожидать, что на яблоне вырастет груша или вишня. Разница есть, но лишь в деталях. Разные времена, эпохи...

– И какой мир меня ожидает?

– Интересный. Если сравнивать с нашим, то примерно конец девятнадцатого века.

– Belle Époque...¹ – усмехнулся я.

– Можно сказать и так. Не самая плохая...

Как-то все быстро происходит, не правда ли? Вы ждали иного? Длинных рассуждений о мирах, смысле бытия и продолжительных рефлексий? Удивленных вздохов о существова-

¹ Прекрасная эпоха (фр.).

нии параллельных миров? Зря... Кстати, скажите честно, а вы бы сильно удивились, окажись на моем месте? Могу поспорить, что у большинства из вас захватило бы дух от радости. Новый мир, новые приключения. Новая жизнь.

Ладно, так уж и быть, признаюсь...

Когда меня привезли на базу, познакомили с персоналом и начальством, то появилось странное чувство. Даже не знаю, как его описать. С одной стороны – облегчение, что у моей дочери появился шанс выздороветь и жить полноценной жизнью. С другой – было немного страшно и даже больно, что этого я никогда не увижу. Нет, я не надеялся выжить. Поймите меня правильно: даже если очень повезет и удастся найти Влада, то сильно сомневаюсь, что меня выдернут обратно.

Такие проекты, как понимаю, слишком дорого обходятся. Зачем тратить драгоценные ресурсы на перемещение отработанного материала? Проще забыть, спасая одного, но ценного сотрудника. Братские чувства? Вы это серьезно? Бросьте! Я не видел Влада больше двадцати лет и сомневаюсь, что у нас найдутся какие-то темы для разговора.

4

На следующий день после разговора с начальником меня познакомили с инструктором Михалычем. Он невысокий, крепкий мужчина средних лет. Точнее не скажу – ему могло быть и тридцать пять, и сорок, и даже пятьдесят. Есть люди, над которыми время не властно. Круглолицый, русоволосый. Над губой топорщилась жесткая щетка усов, которая придавала ему задиристый вид и делала похожим на бродячего кота, готового и к любви, и к драке. Как оказалось позднее, я не ошибся. Даже прозвище оказалось очень подходящее – Боцман.

Он прищурил свои глаза цвета ячменного пива и окинул меня критическим взглядом:

– Похож...

– Что-то не так? – спросил я.

– Как тебе сказать... – буркнул инструктор и поморщился.

– Как есть.

– Не обижайся, но на Владьку ты похож как дудка на гаубицу. Дырка вроде есть, а толку?

– Вас послушать, так у меня не братик, а киборг.

– Киборг не киборг, а покрепче тебя будет. Запустил ты свое тело, Шурка! Не стыдно?

– Александр.

– Что? – не понял инструктор.

– Меня зовут Александр.

Инструктор замолчал и удивленно уставился на меня. Долго рассматривал. Будто первый раз видел. Потом хмыкнул и расхохотался.

– Ну-ну... Узнаю породу. Ладно, поглядим, какой ты есть, Александр Талицкий...

Не знаю, чем руководствовался начальник, давая задание инструкторам. На обучение и подготовку отводился один месяц. Сами понимаете, за такой срок невозможно подготовить профессионального поисковика-спасателя. Тем более такого, которого забросят в иной мир. Времени хватало лишь для ознакомления с техникой и скромной физической подготовки.

Если вы ожидаете, что я начну рассказывать про стрельбу по-македонски и прочие чудеса беллетристики, то можете смело откладывать мои записи в сторону. Ничего подобного не было и быть не могло. Хватало некоторых навыков выживания, самообороны и стрельбы. Снайпера за такой срок из меня не сделали, но пулять в сторону мишеней научили.

Дважды ко мне навевался психолог. Сухонький и сгорбленный старичок, который назвался Семеном Моисеевичем. Крючконосый и седовласый. Он долго меня расспрашивал о разных житейских мелочах, прошлом, делал пометки в истрепанном блокноте и горестно вздыхал. Если по его реакции судить о моих перспективах, то можно смело брать лопату и брести на кладбище. Уныло и неторопливо, бормоча себе под нос:

– Да-да, конечно... так будет лучше. Наверное...

Территория разделена на закрытые секторы. Чтобы попасть в соседний, надо пройти через пост охранника. Нет допуска – разворачивайся. Не полезешь же через забор, право слово! Тем более такой – усиленный колючей проволокой. У меня был свободный допуск в жилой и спортивный секторы, где в ангаре находились приличный спортзал и пятидесятиметровый тир. В остальные мог пройти только в сопровождении инструктора или Владимира, который последнее время появлялся все реже и реже.

Распорядок дня был по-армейски строгим.

Подъем в пять часов утра, пробежка в компании инструктора, завтрак и утренний визит к очкастым и молчаливым ученым. Один час в окружении непонятных приборов и суро-

вой медички – и вперед, на занятия! Обед, опять занятия, физическая подготовка, очередной визит к медикам, специальная подготовка, ужин, отбой.

Первую неделю я так уставал, что едва доползал до кровати. Даже мыслей в голове не было. Какая-то каша... Потом немного втянулся и уже мог себе позволить скоротать вечерок на лавочке, попивая чай и рассматривая глухой забор. Двор, где я отдыхал, был размером с две баскетбольных площадки. Несколько высоких сосен, шеренга пушистых елок и даже клумба с ярко-оранжевыми цветами. Ну и четыре старомодных лавочки, разумеется.

Персонал базы здесь не появлялся. Даже в двухэтажном общежитии, где я ночевал, никто не жил. Иногда до меня доносились звуки ударов по мячу и веселые крики игроков, которые веселились за одним из этих заборов. Одиночество? Нет, поверьте мне на слово, меня это не тяготило. Несмотря на ситуацию, я наслаждался этим временным покоем, свежим воздухом и запахами соснового бора, который стеной высился за оградой. Вспоминал погибшую жену и думал о дочке. Все-таки мне повезло с этой работой. Наверное...

Иногда ко мне присоединялся Михалыч, который давал полезные советы. Говорил, надо заметить, очень осторожно. У меня даже появилось ощущение, что мои работодатели и сами не знают, куда именно меня забросит. Воображаемый образ «прекрасной эпохи» понемногу тускнел и превращался в нечто туманное и очень неопределенное.

– О чем думаешь? – послышался голос, и я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Обернулся и увидел Михалыча с двумя полными кружками.

– Тьфу! О чем... Как послезавтра падать буду.

– Не переживай, научишься, – снисходительно сказал он и протянул мне кружку. Уселся рядом и с наслаждением вытянул ноги.

– Куда я денусь с подводной лодки? – кивнул я и попробовал чай. Крепкий, сладкий и душистый. Умеет Михалыч чай заваривать! Что касается моих возможных падений, то это тоже часть подготовки. Завтра должен приехать инструктор, а точнее – инструкторша. Вместе с двумя лошадами. Да, я тоже удивился, но ничего не поделаешь. Кто там знает, на чем ездят в иных мирах? Может, на лошадях, а может – на динозаврах. Лишним не будет.

– Главное, Саша... – начал Михалыч и шумно отхлебнул чаю. Потом ткнул пальцем в небо и продолжил: – Главное – ничего себе не сломать.

– Умеете вы, Михалыч, ободрить приговоренного.

– Ну уж... приговоренного. Не ты первый, не ты последний.

– Это как понимать?

– Да это я так... – смутился Михалыч, – присказка у меня такая.

– Понял, не дурак.

– Ты это... кури поменьше.

– Ничего, скоро брошу.

– Ну-ну...

Через несколько минут он допил чай, поднялся и ушел, напомнив, что через пару дней мы будем подбирать аварийный запас, одежду, снаряжение и оружие.

Когда я узнал, что меня вооружат, то настроение слегка поднялось. Как у любого мужика, которому разрешили поиграть в игрушки для взрослых мальчиков. За последние две недели я успел вдоволь наиграться с этими железками! Если ваше воображение нарисовало автомат Калашникова и полный рюкзак патронов, который можно захватить в иной мир, то вы будете разочарованы! Эпоха «призрака» определяет не только направление подготовки, но и уровень снаряжения. Никто вам не позволит взять компьютер с фильмами и современное оружие.

– Эпоха определяет сознание, снаряжение и... вес, – наставительно повторял Михалыч и тыкал пальцем в небо.

Я вежливо кивал и, забыв про современное оружие, изучал старинное. Уроки начались с дульнозарядных ружей и закончились мосинской винтовкой. Довелось познакомиться и с револьверами, среди которых попадались очень интересные образцы. Кстати, капсюльные револьверы, представленные моделью «Colt Navy» сорок четвертого калибра, не понравились. Выглядит красиво, не спорю, но если разобраться – ну их к дьяволу, такие игрушки!

Осколки капсюля часто попадали в щель между рамой и барабаном, что приводило к задержке – барабан не проворачивался. Было несколько случайных воспламенений соседних камор, но это моя ошибка – не покрыл пулю «салом». Да и зарядание, сами понимаете... Пока порох отмеришь, пулю загонишь и капсюль на брандтрубку прицепишь, то столько времени пройдет, что тебя успеют и убить, и закопать, и даже «Requiem aeternam»² прочитать. Разумеется, если на том свете молитвы знают и читают.

Про вес, который определяет эпоха, тоже не просто так сказано. Хотя и не совсем точно. Не эпоха, а миры. Как я понял из уклончивых рассказов инструктора, в параллельные миры можно протащить больше груза, нежели в миры-«призраки». Не знаю, чем это обусловлено, но с этим приходилось мириться. Мой собственный вес не учитывался. Опять же по каким-то особенным причинам. Если не растекаться мыслью по древу, то не больше двадцати пяти килограммов. На первый взгляд не так уж и мало. Если же начинаешь думать и прикидывать, то понимаешь, что это немного. Одежда, которая будет на мне, тоже взвешена и подсчитана. Вообще-то общий вес разрешенного к отправке груза – тридцать килограммов, но пять из них можно смело вычеркивать – это «посылка» для Влада.

Параллельные миры... Если верить некоторым рассказанным мне фактам, то «призраки» – скорее «перпендикулярные». Они подчинялись каким-то непонятным законам, вторгались в соседние и затем пропадали на очень долгое время. В общем, настоящие хищники.

Прошло несколько дней. Прибыла инструкторша со своими лошадьми, и теперь мой день начинался не с пробежки, а с тряски. Не скажу, что это сильно радовало. Седла, которые мне удалось попробовать, были различных типов: английские, казацкие и даже ковбойские. Каждое из них определяло манеру езды и посадку.

Может, я покажусь непатриотичным, но самое удобное из этих седел – ковбойское. В нем можно совершать долгие переходы и не жаловаться, что задница отваливается. При желании и определенной сноровке даже поспать можно. Английское... Я бы назвал его пижонским, но боюсь, что меня заклюют наездники-профессионалы. Не буду с вами спорить – наездник я слабый и неопытный. Казацкое седло искренне удивило. Даже не могу описать впечатления.

Инструкторша, молодая женщина, немного похожая на актрису Инну Чурикову, долго морщилась, наблюдая, как я трясусь на лошади. Недельку убил на обучение, но научился сидеть в седле. Сидеть, а не болтаться, как плохо привязанный мешок картошки.

Через три недели после начала занятий у меня забрали одежду и выдали новую, в которой я и отправлюсь «на тот свет». Старомодное нательное белье с завязками, бежевая рубашка из толстой байки и темно-серые штаны из парусины, похожие на классические джинсы. Портянки, кожаные сапоги и широкополая светло-коричневая шляпа из фетра. Так и ходил, разношивая обувь и привыкая к новому наряду. Вы знаете, было удобно.

Примерно в это же время мы начали подбирать мне экипировку. Михалыч привел меня на склад, зажег свет и ткнул пальцем в большой стол, на котором лежали вещи, укрытые куском брезента. Светильник, похожий на литровую банку, висел на сводчатом потолке и освещал небольшой пятачок у входа. В глубине склада виднелись ряды стеллажей, забитых раз-

² «Покой вечный» (*лат.*): название и первые слова католической заупокойной молитвы.

номастными ящиками, бочонками и тюками. Пахло кожей, оружейной смазкой и еще чем-то неуловимо приятным.

– Если ты, шельмец эдакий, пообещаешь хорошо себя вести «на том свете», – сказал он и прицелился в меня пальцем, – то разрешу взять несколько пачек сигарет и фляжку коньяку.

– Лучше табаку и трубку.

– Посмотрим... – хмыкнул Михалыч и откинул ткань в сторону. – Владей, бездельник.

– Богато... – присвистнул я.

5

– Револьвер, ружье и два ножа, – неторопливо перечислял Михалыч, наблюдая за моей реакцией. – Это из железок, не считая разной мелочовки.

Винтовка, которой меня вооружили, оказалась классическим «Винчестером» модели 1894 года. Полагаю, что вы такие видели, и не один раз, в фильмах о Диком Западе. Да, тот самый, с рычажным взводом, под американский винтовочный патрон калибра семь шестьдесят два или, если вам так будет угодно, 30–30 Winchester.

– Хорошее ружьишко, – хмыкнул я, – древнее, как дерьмо мамонта.

– Хочешь, взамен капсюльное выдам, чтобы оценил? – пробурчал Михалыч. – То самое...

– Нет, спасибо! Пробовал уже.

Ружье, которым меня стращал инструктор, было дульнозарядным. Тем не менее ствол нарезной, сорок четвертого калибра, и надо заметить, довольно точный. Только тяжелый, как лом. Нет, нам такого добра не надо.

– Вот и радуйся, – подал голос Михалыч, словно прочитав мои оружейные мысли.

– Радуюсь, – вздохнул я и взял в руки револьвер.

Слава богу, что не капсюльный. Модель 1873 года, больше известная как «Миротворец». Одинарного действия, шестизарядный, сорок пятого калибра. К этому арсеналу было выдано по сотне патронов на ствол, упакованных в четыре холщовых мешочка.

Рядом лег увесистый нож, похожий на классический боуи, и небольшая финка в глубоких ножнах. Из вещей достались легкий шерстяной свитер и анорак с капюшоном и карманом на груди. Куртка была пошита из тонкой кожи и пропитана какой-то водонепроницаемой дрянью. Три пары нижнего белья, отрез ткани на портянки и рюкзак из толстой парусины с кожаными накладками.

Разная мелочовка вроде иголок и суровых ниток, опасная бритва, гребешок, зубная щетка и два куска хозяйственного мыла. Аптечка, карманные часы в серебряном корпусе, соль, спички и небольшой запас продуктов: вяленое мясо и мешочек с крупой. Пачка чая, немного кофе, котелок и формованная кожаная фляга, проваренная в пчелином воске. Два ремня, патронташ с кобурой для револьвера и моток веревки. Как мрачно пошутил Михалыч – чтобы повеситься, когда совсем плохо станет.

Отдельно от вещей лежали три золотых пластинки, похожие на плитки шоколада. При необходимости можно было легко отломать один маленький квадратик, который весил ровно один грамм. В общей сложности сто пятьдесят граммов.

– Доволен?

– А где табак?

– Хм... Ладно, посмотрю, – кивнул Михалыч.

Он открыл один из ящиков и достал бумажный сверток. Трубка из вишни, две пачки табаку и три десятка сигарет, правда без фильтра и не в пачках. Судя по упаковке – все было собрано заранее, а Михалыч просто ждал подходящего момента, чтобы меня порадовать.

– Ну что, бездельник, теперь твоя душенька довольна?

– Хм... – ухмыльнулся я, – а где обещанная бутылка коньяку?

– Вот нахал! Держи. – Он полез в набедренный карман и вытащил плоскую фляжку.

– Теперь доволен.

– Ну и славно. Пошли к медикам, маячки ставить.

Маячки, о которых упомянул инструктор, – это два чипа, которые вживляют в предплечья. Почему именно два? Понятия не имею. Видимо, есть шанс остаться без руки. Если без одной вы еще сможете работать, то без двух, сами понимаете, будете начальству неинте-

ресны. Разве что какой-нибудь зубастой твари пригодится, которая решит поужинать вашим ливером.

Незаметно прошла еще одна неделя. Закончился месяц, отведенный для моей подготовки. Закончился как-то серо и очень буднично. Никаких экзаменов и торжественных речей не было. Никто не хлопал меня по плечам, выражая надежду, что я не подведу и буду достоин этого большого доверия, которое мне оказывают. Все произошло очень просто: под конец занятий к нам заглянул Владимир Семенович и сказал, что подготовка закончена. Меня ждал еще один медицинский осмотр и... И все.

Вечером, после всех медицинских процедур, я сидел во дворе и пил чай. Предплечья, замотанные бинтами, противно зудели. Немного погодя пришел Михалыч. Он покосился на меня, покряхтел и уселся рядом.

– Послезавтра начинается «дорожка».

– Ну и слава богу, – кивнул я и выбил из пачки сигарету. Неторопливо прикурил, погасил спичку и поморщился. – Хоть что-то изменится. Надоело уже здесь сиднем сидеть.

– Это у тебя предстартовый мандраж начинается.

– Может, и так.

– Ты меньше думай и быстрее соображай. Это, говорят, полезнее для организма.

– Чувство такое...

– Какое?

– Странное. Будто не со мной происходит, а с каким-нибудь персонажем из книжки.

– Сказал бы я тебе Саша... матом. И вообще... – Он замялся и потер рукой подбородок.

– Что?

– Не нарывайся там. Знаю я вашу породу. Твое дело – Владьку найти и передать посылку. Приключений на свою задницу не ищи – глядишь, и выпутаешься...

– Они меня и сами найдут, приключения эти.

– Вот этого я и опасуюсь, – вздохнул Михалыч.

«Дорожкой» в этом богоугодном заведении называется пятидневный карантин, в течение которого я буду жить в изолированном боксе, похожем на барокамеру. Кстати, он рассчитан на двух постояльцев. Понятия не имею зачем, но мое дело исполнять, а не спрашивать. Тем более что все равно не ответят. Покосятся удивленно, как на несмышленища неразумного, да и только.

Последний вечер, который я провел «на свободе», прошел как-то совершенно незаметно, несмотря на отвальную, которую мне все же устроили. На заднем дворе накрыли стол и принесли тяжелый мангал. Пришли Михалыч, Владимир Семенович, Катерина – инструктор по верховой езде и даже Семен Моисеевич. Старый психолог заглянул на пару минут, выпил рюмку водки, повздыхал для порядка и ушел не прощаясь. Мы тоже не стали засиживаться. Шашлычков поели, выпили немного и разошлись. Чем не поминки?

В карантине было тоскливо.

Курить нельзя, вместо нормальной еды выдавали какую-то консервированную гадость, похожую на детское питание. Раз в день приходил Михалыч, чтобы поболтать и подбодрить. Общались через стекло, по телефону. Пару раз приходил психолог, чтобы убедиться в моем предстартовом мандраже. Он горестно вздыхал, что-то черкал в толстом засаленном блокноте и тихо удалялся.

Из бокса было два выхода. Один для меня уже закрыт, а второй должен был открыться через пять дней – круглый люк, похожий на переход между отсеками в подводной лодке. Одежда и вещи, которые отправятся вместе со мной, были упакованы и лежали у порога.

В боксе было тепло, и я валялся на койке в одном нижнем белье. Писал письма, которые обещали отправлять сестре через определенные промежутки, и читал книгу, которую дал Михалыч. Если честно, то содержания не запомнил. Начинал читать, но мысли путались

и разбегались по сторонам, отвлекая от лихо закрученного сюжета. Какая-то беллетристика, наполненная вымышленными кошмарами.

Последний день почти выветрился из памяти. Зазвенел телефон, и Владимир Семенович неожиданно дрогнувшим голосом сказал, что «пора уходить». Пока хлопал глазами, пытаюсь понять и осознать услышанное, открылся люк. За ним стояли два человека, упакованные в оранжевые защитные костюмы.

Страшно?

Нет, пожалуй, не так. Ноги моментально стали ватными, я опустился на стул и зачем-то вытер руки о колени. Захотелось закурить и дернуть рюмку водки, но, сами понимаете, никто мне такой радости не предложил.

Зря. Я бы выпил...

Парни, чьи лица виднелись за стеклами масок, терпеливо стояли рядом и ждали, пока я одевался. Смешно вспомнить, но руки дрожали, когда рубашку застегивал. Глупо, наверное, выглядело. Наконец я закончил одеваться, взял сверток и перебрался в соседнее помещение.

Установка, которая должна отправить меня «на тот свет», была похожа на медицинскую пилюлю, выкрашенную в темно-серый цвет. Длинной чуть больше двух метров и диаметром около метра. Люк, похожий на крышку гробов новомодного дизайна, навевал не самые приятные ассоциации. Внутри виднелся ложемент из стекловолокна с ремнями безопасности.

Судя по направляющим, капсула поедет вперед и окажется между толстыми кольцами. Шесть металлических колец, каждое из которых напоминало крышку от «Белаза». Пучки проводов толщиной с мое запястье... На одной из бетонных стен виднелись узкие, похожие на бойницы окна с массивными рамами и толстыми стеклами.

Парни взяли мои вещи и уложили на дно капсулы. Закрепили и сделали приглашающий жест. Мол, давай, чего тянуть? Я что-то пробурчал и начал укладываться. Поерзал немного, устраиваясь поудобнее, хотя ложемент был изготовлен специально для меня и как ни укладывайся, а по-другому не ляжешь. Щелкнули ремни.

– Готов?

– Чего уж там... – кивнул я. – Поехали!

– Еще один космонавт, блин. Не переживай, земля! – пробубнил парень и неожиданно подмигнул. – Все будет нормально.

– Ну-ну...

Щелкнула крышка. Я остался один, и сразу навалилась духота. Понимал, что это ложное чувство, но легче от этого не становилось. Спустя несколько минут раздался противный звук сирены, капсула дрогнула и дернулась вперед. Послышался тяжелый нарастающий гул, заполняя тело противной мелкой дрожью.

Сжал зубы и почувствовал, как по лбу сбежала капля пота.

Еще немного, и я бы закричал. Не знаю, что-нибудь безнадежно-матерное. Не успел. Гул превратился в оглушительный вой, словно там, за тонкими стенками капсулы, ревел водопад.

Хлопок! Резкий, бьющий по ушам – и тишина... Чувство полета? Нет, ничего подобного! По телу, обжигая и царапая кожу, ударили тысячи раскаленных иголок.

Сознание, вопреки всем предупреждениям, не потерял. Может, и был какой-то момент, когда отключился, но не заметил. Слабость – да, была. Тело как ватное, руки дрожали. На лбу выступил холодный пот. Даже удара не почувствовал.

Легкий толчок, потом заскрипел песок, царапая днище капсулы, и все – тишина. Такая громкая, что я слышал биение сердца. Казалось, что оно колотилось где-то под горлом и затрудняло дыхание. Подождал несколько минут и непослушными руками нащупал запоры. Мне было страшно. Очень страшно.

Щелчок.

Люк открылся с первого раза. Видимо, я так испугался, что выбил крышку из пазов. Она отлетела в сторону и зашуршала в траве. Навалились лесные запахи, хлынул свежий воздух, а я лежал, пялился в голубое небо и боялся вдохнуть.

– Черт побери... – сказал я. Голос был каким-то чужим и совсем непохожим на мой. Охрипшим. Попробовал пошевелиться, а потом уцепился за края люка и сел. Осмотрелся. Лес. Обычный сосновый лес.

6

Первые минуты прошли в механическом, совершенно бездумном состоянии. Потом, уже много позже, я подумал: какой же ты, Александр Талицкий, везучий сукин сын! Меня можно было брать голыми руками вместе со всем арсеналом, наставлениями по выживанию и прочим бредом, которым пичкали Михалыч и его коллеги.

Понемногу ступор прошел, и я начал соображать. Распаковал вещи, зарядил винтовку и револьвер. Нацепил широкий ремень. Смешно прозвучит, но именно патронташ, набитый патронами, окончательно привел в чувство. Блестящие гильзы – как риски на линейке, с которой начался отсчет новой жизни.

Подобрал отброшенный люк и поставил его на место, не забыв выдернуть ярко-желтую ручку, закрепленную с левой стороны от ложементов. Щелкнул замок. Теперь можно уходить. Даже нужно! Потому что через десять минут сработает ликвидатор и внутренняя оболочка выгорит дотла, оставив лишь тонкую, почерневшую скорлупу капсулы.

Огляделся по сторонам – обычный сосновый бор, только деревья потолще и повыше. Сквозь густые ветви пробивались солнечные лучи. Птицы поют. Идиллия! Впереди, в пролетах между деревьями, блеснула вода. Мне, если не ошибаюсь, туда и надо. Картой, как вы понимаете, меня не снабдили ввиду отсутствия таковой. Приходится полагаться на отчет Влада, вызубренный наизусть.

Парни из научного отдела утверждали, что меня выбросит неподалеку от того места, где три года назад появился Влад. Только рассказывали как-то не очень уверенно, словно и сами не знали, куда меня выкинет. Хотя... озеро в рапорте упоминалось. Первым пунктом.

Забросил на плечо рюкзак, взял винтовку и пошел вперед.

Не оглядываясь.

Я вообще не люблю оглядываться.

Солнце уже клонилось к закату, когда я подошел к озеру. Большое, надо заметить, озеро. Противоположный берег едва просматривался. Поначалу я подумал, что это какой-нибудь морской залив, но вода была пресной.

Под обрывом, заросшим высокими соснами, виднелась песчаная отмель. Валялись сухие деревья, выброшенные на берег, и целая россыпь гранитных валунов. Ни людей, ни лодок. Даже какой-нибудь струйки дыма, которая могла бы указать направление, не было.

Ну и черт с ними, аборигенами этими. Ночевать буду здесь.

Мирно потрескивал костер, разгоня сумеречный бархат чужого мира. Звездное небо над головой, россыпи неизвестных созвездий. Нет, романтиком я не был. Никогда, даже в молодости. Несмотря на это, было спокойно. Прошел мандраж, прошли первые часы в этой параллельной реальности.

Подоспела каша, приправленная стружками вяленого мяса, которую я умая с большим аппетитом. Жевал, пялился на окрестности и размышлял, откуда мне начинать поиски. Для начала надо было найти какое-нибудь приметное место и спрятать посылку. Потерять, как и таскать с собой, эту пятикилограммовую коробку желания не было. Да и опасно – мало ли куда влипну.

Теперь, когда я оказался в этом «призраке», можно поделиться информацией, которой меня снабдили на базе. Как уже говорил – карты не было. Лишь скупое описание местности, которое Влад успел передать на базу. Эти факты, по большей части весьма приблизительные и отрывистые, могли помочь лишь в самом начале. Связь с этим миром неустойчивая, и полученный отчет Влада был расшифрован не полностью. Удалось зафиксировать эпоху и описание стартовой точки. Упоминались большое озеро и городишко, который находился в двух днях пути на юго-запад.

Уровень опасности, определенный Владом, относился к «желтой зоне», что значит... Да ни черта это не значит! Красная зона – это военные действия, а желтая... Фронтир, со всеми приличествующими развлечениями. Зеленый уровень – благодать земная. Только Михалыч как-то проговорился, что таких миров не было зафиксировано. Нигде и никогда. Желтый... Постреливают, надо понимать, и весьма активно. Ладно, проживем – увидим. Я выпил чаю и даже выкурил трубку, словно заключил мир с этой «призрачной» реальностью. Поглазел на звезды, подбросил в костер дров и лег спать. Утро вечера мудренее.

Ночь прошла спокойно, хоть и спал урывками, часто просыпаясь и вздрагивая от лесных шорохов. Где-то совсем рядом бродил какой-то большой зверь. Он шумно фыркал и даже рычал, будто я занял его место и мешал отдыхать. Тем не менее прекрасно выспался.

Меня разбудили птицы. Орала, перепархивали с ветки на ветку и устраивали свои птичьи разборки. Я выругался и открыл один глаз. Костер подернулся пеплом, и едва дымился. Светало.

Не знаю, как здесь с цивилизацией, но дикого зверья с избытком! На берегу, недалеко от места ночлега, встретил стадо оленей. Они спокойно паслись в распадке и ушли не сразу. Настороженно покосились в мою сторону и неторопливо потянулись в лес.

Спустя два дня мне посчастливилось рассмотреть слабый дымок. Заметил, когда выбрался из густых зарослей и оказался на открытой равнине. Впереди виднелись островки перелесков, небольшие холмы и речка, впадающая в озеро. Вода была прозрачной и очень холодной. Пока перебрался на тот берег, здорово продрог. Не знаю, какое сейчас время года в этом мире, но вода в ручьях ледяная! Да и по ночам, если честно, жарко не было.

Дымок... С одной стороны, это здорово, что здесь есть люди, а с другой... Еще неизвестно, как встретят незнакомого человека, который вышел из леса и даже не может объяснить свое появление.

Единственное, что приходило на ум, так это классическое «поскользнулся, упал, потерял сознание...». Ну и про потерю памяти добавить, чтобы оправдать незнание местных правил. Поможет не поможет, а другого выхода все равно нет.

Пока добирался до источника дыма, ничего нового в голову не пришло. Спустился с холма и увидел несколько строений, окруженных деревьями и зарослями кустарника. Обычный бревенчатый домишко. За ним простиралось поле, засаженное кукурузой, и виднелся пустой загон для скота, вытопанный до серых земляных проплешин. Делать нечего – все равно пришлось бы общаться с местным населением. Почему бы не начать с фермеров?

Обошел заросли – и остолбенел.

Прямо передо мной, на ступеньках веранды, лежал убитый мужчина. Кто-то несколько раз выстрелил ему в грудь. Рядом валялся короткоствольный дробовик с расщепленным прикладом. Чуть дальше, у входа в дом, лежал еще один – молодой парень лет двадцати. Русоволосый, с куцей бороденкой, одетый в испачканный пылью комбинезон. Вся веранда была вымазана кровью. Даже на двери виднелись бурые подтеки.

Мне доводилось видеть трупы, да и видом крови меня не удивишь, но сладковатый запах, витающий в воздухе, добил. К горлу подкатил тугой комок, и меня просто вывернуло. Резко, до боли в желудке. Едва успел отдышаться, как в стороне заметил еще несколько тел – двух женщин и седого старика, лежащего рядом с колодезем.

Дед был еще жив. Он тяжело дышал, уставившись в одну точку. Хрипел, пуская розовые слюни, и понемногу отходил. Я опустил на одно колено, положил винтовку на землю и взял его за руку.

– Вы меня слышите?

Фразу я повторил несколько раз, на всех известных мне языках, но он не отреагировал. Мне кажется, он вообще не слышал и не хотел слышать. Прошло несколько минут, а я сидел

и смотрел, как умирает этот старик. Да и что я мог сделать? Попробовал напоить, но он даже пить не смог.

Он умер тихо, без всех этих «последних вздохов» и судорожных движений, о которых так любят писать в книгах. Я закрыл ему глаза и хотел подняться. Протянул руку к винтовке, но не успел дотронуться, как за спиной послышался шорох, и чей-то хриплый голос, растягивая слова, сказал:

– Сынок... даже не думай...

– Хорошо... – У меня даже в горле пересохло.

– Будь добр, держи свои руки так, чтобы я их видел. Ты ведь не хочешь умереть раньше времени?

– Н-нет...

– Вот и прекрасно. Теперь подними руки повыше и поднимайся сам.

Делать было нечего, и пришлось подчиниться. Тем более что голос звучал убедительно, а изображать бессмертного не хотелось. Не тот случай. Я поднялся и задрал руки вверх.

– Повернись. Медленно. Ты меня понял?

– Да...

Вот тебе и первый контакт с местными жителями, господин Талицкий. Во всей красе воинствующего фронта. Передо мной стоял мужчина лет сорока. Загорелый, седовласый и круглолицый. Щегольская, аккуратно подстриженная борода, пухлые щеки и густые брови. Глаза темно-зеленые, зло прищуренные, а от уголков лучики морщин разбегаются, будто он стоит и раздумывает, куда вам заряд отправить – в живот или в голову.

Как бы ни было неприятно стоять под прицелом, но мозги работали четко, фиксируя мельчайшие подробности фигуры. Массивный мужик. Высокий, плотный, и даже небольшое брюшко имеется.

Одежда... Пожалуй, с эпохой Влад не ошибся. На моем визави был серый сюртук, под которым виднелся палевый жилет. Массивная цепочка с брелоками. Небрежно повязанный платок на шее и широкополая шляпа. Из кобуры торчала рукоять револьвера, украшенная белыми накладками. Что и говорить – колоритная личность. В руках он держал короткий дробовик, похожий на двухствольную пушку.

– Ты кто? – спросил он. Говорил на английском, но с каким-то странным и непонятным акцентом. Вроде и растягивал слова, но они звучали резко, как щелчок бича.

– Человек.

– Вижу, что не медведь. Откуда ты здесь взялся?

Объяснить я не успел. Послышался лошадиный топот, и к ферме подскакали несколько всадников. Один из них, молодой мужчина с огненно-рыжей шевелюрой, соскочил на землю и подошел поближе.

– Марк, эти твари ушли. Наши парни отправились за ними, но ты же знаешь... – Он не договорил, злобно сплюнул и посмотрел на меня.

– Как видишь, ушли не все, – усмехнулся мужчина и ткнул дробовиком в мою сторону.

– Это один из них?

– Не знаю... – протянул он. – Мне так кажется.

– Он не похож на бандита, – заметил парень.

– Это почему?

– Слишком чистенький.

– Хм... – Мужчина, которого назвали Марком, поморщился и обратился ко мне: – За каким дьяволом ты остался? Решил обыскать трупы?

– Я не бандит, – хмуро ответил я.

Дело, что и говорить, оборачивалось не лучшим образом. Глупейшая ситуация, и черт знает, чем она кончится. В голове мелькнул образ повешенного, который как две капли воды похож на меня.

– Можно, я опущу руки?

– Если хочешь умереть прямо сейчас, то можешь опустить, – милостиво разрешил Марк.

– Нет, не хочу.

– Тогда заткнись и не мешай нам разговаривать.

7

За моей спиной лязгнула дверь. Щелкнул замок. Приехали...

Камера выглядела как небольшой закуток, отделенный от офиса железной решеткой. Два грубо сколоченных лежака и бревенчатые стены. Рядом, за тонкой перегородкой находилась еще одна камера. В общем, четырехместная гостиница «на пути к виселице», как выразился помощник шерифа.

В город меня доставили ближе к полудню. Связанным и переброшенным поперек седла, поэтому я не смог разглядеть местные достопримечательности. Только вывеску на въезде, в нескольких местах простреленную, и запомнил.

«Rivertown»...

Первой буквы было почти не видно из-за пробоин. Видимо, каждый, кто проезжал мимо, считал своим долгом выпалить по дорожному указателю, салютуя своей лихости.

Контора местного законника словно сошла с киноэкрана.

Большая квадратная комната, часть которой была выделена для вышеупомянутых камер, и присутственная половина – два письменных стола, несколько стульев и рогатая вешалка у входа. Рогатая – в том смысле, что сделана из разлапистых оленьих рогов, закрепленных на широкой доске.

Оружейная пирамида с шеренгой разнообразных ружей и стенд на стене, похожий на доску для объявлений. Камин, несколько полок и громоздкий сейф в углу, сверкающий латунными деталями. Четыре окна с мутными от грязи стеклами и дверь с мощным засовом. Судя по двум пулевым пробоинам, по ней тоже иногда постреливали.

На письменном столе царил привычный офисный бардак: увесистая папка в бархатной обложке и ворох разрозненных бумаг, разбросанных по столешнице. Две глиняных кружки, жестяной кофейник и пепельница. Чернильница, пяток патронов и серебряная ложка. Вот такой натюрморт.

Парни, приехавшие с шерифом, куда-то разбрелись, и даже рыжеволосый Стив, похожий на актера Дэвида Уэнэма, куда-то запропастился. В конторе остался только Марк, который сразу устроился на стуле и начал неторопливо раскуривать сигару, наблюдая за моей хмурой физиономией. Он закурил, выпустил клуб дыма и несколько минут молчал. Наконец кивнул своим мыслям и задумчиво заявил:

– Пожалуй, Стив был прав: ты слишком чистый для бродяги.

– Я же объяснял, что не бандит... – опять начал я, но меня не дослушали.

– Как знать, как знать... – протянул Марк и потянулся за пухлой папкой, лежащей на его столе. Перелистал несколько страниц и хмыкнул. – Дорогая одежда, дорогое оружие... Не каждый может себе такое позволить. Так кто ты такой, говоришь?

– Вы уже спрашивали.

– Ну да, ну да... – задумчиво кивнул он. Потом взял несколько листовок, отпечатанных на грубой желтоватой бумаге и подошел к решетке. – Подойди сюда, сынок. Дай старому дяде Марку взглянуть на твое лицо.

Он внимательно сравнивал меня с изображениями людей, украшенными хищными словами «Wanted!» или «Reward!»³, и недовольно хмыкал.

– Что, не похож? – спросил я, стараясь выглядеть спокойным. Надеюсь, что получилось.

– Не завидую твоей судьбе, малыш, окажись ты похожим на одного из этих парней!

– Меня там не может быть.

³ «Разыскивается!» или «Вознаграждение!» – за поимку или ликвидацию преступника» (англ.).

– Как знать, как знать... – опять затыкнул он и прикусил пожелтевший от табака ус. – Это ничего не доказывает. Пока ситуация не прояснится, будешь сидеть здесь.

– Но...

– Лучше заткнись, – устало отмахнулся Марк, – целее будешь.

Шериф вернулся к своему столу и начал осматривать мои вещи. Особенно внимательно рассматривал швы на куртке. Щупал, разглядывая стежки, словно надеялся найти на них что-то особенное. Его даже оружие не так интересовало, как разная мелочовка, которая была в моем рюкзаке. Наконец он закончил осмотр и свалил вещи в угол комнаты. Золото, которое было мне выдано, я разломал на несколько пластинок и зашил в брючный ремень еще в нашем мире, так что его не нашли. Меня и обыскивали, надо заметить, не усердствуя. Забрали оружие, рюкзак и куртку. Посылка для Влада была закопана неподалеку от места моей первой ночевки, так что и с этим проблем не было.

Дурацкое положение. Совершенно дурацкое. Мысли в голове путались. Присел на лежак и задумался. Как-то все неправильно разворачивается. Я рассчитывал прогуляться по этим местам, расспросить жителей и найти своего безбашенного брата, но сидеть в околотке с непонятными перспективами на будущее в мои планы не входило!

Через несколько часов послышались шаги и в дом, позвякивая шпорами, вошел рыжий Стив. Он что-то жевал и даже урчал от удовольствия. С набитым ртом он напоминал хомяка. У меня даже настроение улучшилось. Всего на несколько секунд, но тем не менее. Лучше, чем сидеть и размышлять о своей незавидной судьбе.

– Марк! Наши парни возвращаются!

– Одни?

– Кажется, с подарками!

– Слава богу...

Не прошло и пяти минут, как снаружи раздались лошадиный топот и веселые крики, перемежавшиеся забористой бранью. Как оказалось, взяли еще одного пленника – щуплого мужчину средних лет. Высохший, как жердь, с морщинистым лицом и грязными русыми волосами. Наряд вполне соответствовал эпохе. Разве что сюртук был испачкан сухой глиной и в двух местах порван.

– Господи, какие люди! – весело воскликнул шериф и подбоченился. – Джек, ты ли это?! Какая несказанная радость! Видно, Бог услышал мои молитвы...

– Дерьмо! – Пленник сплюнул кровью и скривился. – Сказал бы я тебе...

– Вот и поговоришь, когда судья вернется, – пообещал Стив и подтолкнул его в сторону камеры. – Будешь болтать сколько твоей душе угодно.

– Пошел ты...

Доставленный пленник был изрядным грубияном. Он с ходу высказал законникам все, что про них думает, и даже намекнул на некую вполне определенную связь с матушкой шерифа. После этого он получил несколько приличных зуботычин и был заперт в соседнюю камеру. Правда, ругаться перестал лишь после того, как Марк пригрозил отправить его в холодный погреб.

Ночь прошла... хотелось бы написать, что спокойно, но, как вы понимаете, покоем здесь и не пахло. Пахло оружейным маслом, лошадиным потом и кофе. Вечером стало холодать, и Стив, который остался ночевать в этой богадельне, развел огонь в камине и зажег керосиновую лампу. Ужин принес какой-то скрюченный старик. Он тяжело дышал и шаркал по полу разбитыми в хлам ботинками. Меня, само собой, никто кормить не собирался. Если честно, то у меня и аппетита не было. Лежал и думал, что предпринять в этой глупейшей ситуации.

Утро началось с прихода Марка. Он заявился в офис и покосился на своего помощника, который спал на стуле, закинув ноги на стол.

- Стив!
- Да, шериф! – подскочил рыжий. Он захлопал глазами и едва не свалился на пол.
- Откуда это взялось? – спросил Марк и показал помощнику конверт из серой бумаги.
- Не знаю!
- Меньше спи, и тогда будешь знать. Я нашел это рядом с нашей дверью. Будь добр, Стив, заведи себе почтовый ящик, чтобы девки знали, куда складывать свои девичьи сердца.
- Да, сэр! – гаркнул помощник и весело оскалился.
- Шериф хмыкнул и перебрал ему конверт из серой бумаги.
- Лови, бездельник. Какая-нибудь очередная дурочка, которой ты наплеал с три короба о бесконечной любви. Если тебя поймут ее братья, то учти – я не буду тебя защищать! С тех пор, как ты появился, в городе стало рождаться подозрительно много рыжих ребятшек.
- Сэр...
- Мне наплевать, но судья был недоволен, когда увидел своего третьего сына.
- Это не я!
- Ну да, конечно, – Марк не дослушал и отмахнулся, – тогда с какого такого перепугу он отправил роженицу в Брикстоун? Уж не затем ли, чтобы избежать ненужных разговоров?
- Не знаю, – как-то хмуро ответил его помощник, читая письмо. – Сэр...
- Что там? Сообщили, что ты станешь папашей?
- Нет. Это письмо для вас.
- Что? От кого?
- Оно касается этого парня. – Стив кивнул на соседнюю камеру.
- Джека? И кто подписался?
- Подписался? – переспросил Стив и уставился на письмо. – Уильям Фоули, эсквайр.
- Тьфу... – Марк выругался и вырвал письмо из рук парня. Несколько минут читал, а потом выругался еще раз. Надо сказать, довольно витиевато. Я даже не все понял.
- Хреновые дела. Эти подонки не успокоятся, пока не вытащат своего парня, – сказал рыжий и кивнул на соседнюю камеру.
- Не успел Марк ответить, как послышался скрипучий смех.
- Что, шериф, наложил в штаны? Я говорил, что наши ребята меня не бросят?! Лучше бы тебе одуматься и отпустить меня на волю, пока не стало слишком жарко.
- Заткнись!
- Мистер Фоули тебе кишки на руку наматает, – ехидно проскрипел сиделец.
- Стив, он меня достал! Закрой эту мразь в погреб!
- Пленника и правда переселили под землю, добавив несколько раз по хребту, чтобы меньше возражал и быстрее двигался.
- Что будем делать, шериф? – спросил Стив, когда запер люк.
- Парни уехали?
- Да, еще засветло, – кивнул рыжий. – Они что-то вывели и отправились на юго-запад. Раньше субботы и не вернутся.
- Это плохо.
- Очень плохо! Мистер Фоули может нагрязнеть в любой момент.
- Не умирай раньше времени, сынок, – скривился Марк и посмотрел в окно, – что-нибудь придумаем.
- Стив вздохнул и устроился за соседним столом, поглядывая на крышку люка, словно хотел удостовериться в ее прочности.
- Что будет со мной? – не выдержал я.
- Марк удивленно уставился на меня, словно первый раз увидел.
- Сиди и не каркай под руку! Без тебя проблем хватает, – отмахнулся шериф и посмотрел на Стива. – Кто сейчас в городе?

– Несколько торговцев из Бриктоуна... – начал перечислять рыжий, – и старик Микаэль, который из Форт-Росса нагрянул в гости к своей дочери.

– Черт... как-то все не вовремя.

– Да уж... – хмуро согласился Стив и начал разбирать револьвер.

8

Шериф, озабоченный письмом, решил остаться в конторе вместе со Стивом и местным кузнецом по имени Чак. Здоровенный мужик лет тридцати. Высокий, черноволосый и голубоглазый. Черты лица грубые, будто их топором вырубил. Просто гранитная глыба, а не человек. Несмотря на грозный вид, выглядел очень тихим и добрым человеком. Он даже ружье – короткий дробовик – держал в руках как-то смущенно. Мол, вы извините, но так уж получилось, что пришлось взять эту «дудку». Разве что не вздыхал, когда Марк патроны выдавал. Того и гляди покраснеет, начнет ножкой по полу шаркать. Только бы дробовик в лапищах не крутил, а то сломает и не заметит.

Мне ничего не объясняли, но и так было понятно, что дело пахнет жареным. Покормили, сказали сидеть и не высовываться. При любой заварушке падать на пол и ползти под лавку, чтобы не прилетело что-нибудь ненужное и вредное для здоровья. Я молча кивнул и присел на пол, привалившись спиной к бревенчатой стене. Пользуясь задумчивым настроением Марка, я даже несколько сигарет из рюкзака выпросил и чашку кофе, опять же из личных запасов.

Настроение... Как вам сказать... Слегка тревожно, слегка любопытно. Умом понимал, что ситуация не самая завидная, но все это... Даже не знаю, как объяснить. Будто не со мной все происходило. Отстраненно наблюдал за приготовлениями парней, курил и пил кофе. Иногда из-под люка доносился скрипучий смех Джека. Мужик откровенно нарывался на грубость, пока Марк не разозлился и пообещал открыть подпол и разрядить туда револьвер, не заботясь о том, куда попадут пули – в голову или задницу.

Парни наскоро перекусили, покормили меня и засели играть в карты. Потрескивал камин. Я сидел, жевал бобы с мясом и ждал. Чего именно? Понятия не имею, но предчувствия были нехорошими.

Все началось ночью, а точнее, под утро, когда ночная мгла отступает и превращается в предрассветные сумерки. Послышался протяжный свист, а потом чей-то голос крикнул:

– Шериф, мы уже здесь!

– Я так и думал... – пробурчал Марк.

– Ты как? – раздался смех. – Не передумал насчет нашего приятеля?

– Как бы не так...

– Марк! Выходи, поговорим!

– Ну что, джентльмены, – сказал Марк и сбросил карты на стол. – Постреляем немного?

– Пожалуй... – кивнул Стив.

Чак не ответил. Он смущенно улыбнулся, пожал плечами и потянулся за своим дробовиком.

– Билли, это ты?! – крикнул шериф. – Ты опять привел своих голодранцев в город? Я же тебя предупреждал, чтобы ты убирался с наших земель!

– Верни мне Джека, и мы уйдем!

– Извини, приятель, но Джек предстанет перед судом.

– Не будь дураком, шериф! Вас там только трое! Ты, Стив и этот увалень кузнец Чак. Вы что, решили сегодня умереть?

– Мистер Фоули, идите в задницу! – вежливо предложил Марк.

Я уже понял, что шериф – образчик вежливости, но не думал, что до такой степени. Так или иначе, но было не по себе. В животе стало пусто и холодно, как перед экзаменом.

В ответ на вежливое предложение по-хамски грохнул выстрел, высадив оконное стекло. Зазвенели осколки. Марк выстрелил в ответ, и понеслось... Перестрелка разгора-

лась, будто лесной пожар под хорошим ветром. Едва я успел завалиться на пол, а парни уже устроились рядом с окнами и начали стрелять в эту серую предрассветную хмарь. Черт!

Через некоторое время ранили Чака. Я не видел, как это произошло, но Марк выругался и приказал ему не изображать мишень и убраться в сторону. Судя по движениям кузнеца, это было не так просто сделать: он получил две пули сразу – в плечо и ногу. Нет, так дело не пойдет! Неожиданно меня охватила злость. Злость на эту дурацкую ситуацию, из-за которой сижу, как кролик в клетке.

– Марк, черт бы тебя взял! – рявкнул я. – Выпусти меня!

– Заткнись, парень!

– Он же кровью истечет! Выпусти, хотя бы перевяжу!

– Сиди, где сидишь!

– Придурик! – рявкнул я. – Из-за твоей тупости...

Выстрел! Еще один! Разлетелось стекло. Меня душила злость. Адреналин зашкаливал, а я сидел у решетки и материл идиота Марка. Казалось, еще немного – и вырву решетку голыми руками.

– Держи! – неожиданно крикнул шериф и швырнул мне связку ключей.

Он добавил что-то еще, но я уже не слышал. Страшно стоять на коленях, пытаюсь попасть ключом в замок, когда хочется забиться глубоко под нары и накрыться чем-нибудь тяжелым! Трясущими руками отпер решетку и выбрался наружу.

Подобрался к рюкзаку и достал аптечку. Чак сидел на полу и шипел, как кот, пытаюсь затянуть рану на бедре. Да, это не так просто сделать с простреленной рукой! Я перекатился к нему и невольно вздрогнул, когда в стену над головой впилась пуля.

– Держись, Чак!

– Все нормально... Мистер, мне, право слово, неловко...

Дьявольщина! Этот кузнец и правда безбашенный идиот! Сидит с двумя дырками в теле и еще извиняется, что мне приходится перевязывать его раны.

– Молчи!

– Я бы и сам, но...

– Заткнись, Чак!

Выстрел! Страшно? Это было очень страшно! Меня трясло, будто старого эпилептика, но потом чувства отступили куда-то в сторону, и я видел лишь побледневшего кузнеца, который смущенно улыбался, наблюдая за мной.

– Нож! Мне нужен нож!

Чак кивнул и вытащил из ножен тяжелый тесак. Я распорол штаны и добрался до раны. Рана на внешней стороне бедра была глухой, но это уже забота местных хирургов! Мое дело – остановить кровь. Зубами вскрыл пакет и, стараясь не обделаться от страха, наложил на рану повязку. Несколько минут... Готово! С рукой было проще. Чак сам разорвал рукав рубашки. Сквозная рана. Уже хорошо!

Выстрел! Взвизгнула пуля, попав в железную решетку, и рикошетом ушла в пол. Мама дорогая! Какого черта я здесь делаю?! Комнату заволочло пороховым дымом.

– Готово! – крикнул я.

– Спасибо! Я ваш должник, сэр!

– Сочтемся!

Шум выстрелов перебил ответ Чака. Он поморщился и попытался подняться, но задел бедром за камин и опять зашипел.

– Сиди здесь!

– Надо помочь ребятам... Это не дело...

Потом была пауза. Глухая пауза в сознании, и я даже не понял, как оказался под окнами и откуда у меня в руках появился дробовик Чака вместе с набитым патронташем. Стив что-

то крикнул, но я уже не слышал – вместе со всеми стрелял по мелькающим теням, оглохнув от собственных выстрелов. Попал? Не смешите! Если и зацепил кого-нибудь, так совершенно случайно. Страшно было. Зубы свело судорогой, да так, что и ножом не разжать.

Через какое-то время рядом появился Чак, который притащил патроны. Он уже разжился винтовкой и устроился по другую сторону от окна, добавляя сумасшествия в эту картину. Иногда я успевал заметить неожиданно серьезное лицо кузнеца, и где-то в глубине души мелькало странное чувство восхищения этим человеком. Парень делал свою работу – воевал. Без лишних эмоций и глупых выкриков.

Вспышки выстрелов, чьи-то крики. Ругань Стива, которому прострелили шляпу, едва не влепив пулю в голову. Рычание Чака, который только сейчас разозлился по-настоящему. Все это слилось в непрерывную ленту картинок, каким-то чудом оставшуюся в моей памяти...

Рассвет наступал медленно.

Солнце появилось из-за горизонта и осветило разгромленный офис шерифа. Я сидел на полу, пытался разобраться в оглушительно глупых мыслях. Куда впутался? Зачем? Понятия не имею. Голова болела, а в ушах стоял легкий гул. Да, стрелять в закрытом помещении – это не самая лучшая идея. Тем более из дробовика Чака. Это просто гаубица какая-то, а не ружье. В горле саднило от порохового дыма.

Напротив меня сидел кузнец. Его серьезность куда-то испарилась, и он опять превратился в сопящего и смущенного медведя. Чак придерживал раненую руку, будто заранее извинялся перед нами за доставленные неприятности.

Стив устроился за столом и перезаряжал свои револьверы, поглядывая на улицу. Шериф? Марк стоял рядом с открытой дверью с винчестером наперевес и курил, старательно выдувая табачный дым наружу. Это выглядело немного смешно, учитывая, что в комнате столько пороховой гари – хоть топор вешай. Так или иначе, но все уже закончилось.

– Пойдем прогуляемся, – сказал шериф, когда Стив закончил перезаряжаться. Отбросил окурки и даже сплюнул. – Надо посмотреть на трупы этих парней.

– Сдается, сэр, что мы увидим нескольких знакомых.

– Буду счастлив, если одним из них окажется Уильям Фоули, – поморщился шериф.

– Эти бродяги испортили мою шляпу, – пожаловался Стив.

– Купишь себе новую. Готов идти?

– Да, сэр!

– Вот и прекрасно, – кивнул Марк и обвел взглядом комнату. Посмотрел в мою сторону и, видимо, хотел что-то сказать, но только отмахнулся и вышел. Следом за ним поплелся Стив, продолжая ругаться по поводу изувеченного головного убора.

– Вам нужно к доктору, – сказал я кузнецу, – вытащить пулю, и вообще...

– Да, сэр. Надо будет прогуляться к этим коновалам, когда парни немного осмотрятся.

– Странно...

– Что именно?

– Я думал, что сюда прибежит половина горожан с ружьями.

– Хм... Как вам сказать, сэр... – Кузнец повел плечами и слегка поморщился. – Здешние люди не любят вмешиваться в такие дела. Особенно когда это касается Уильяма Фоули.

– Знаменитая личность?

– Вы разве про него не слышали? – На лице Чака мелькнуло нечто похожее на удивление.

– Я недавно в городе.

– Года три назад он был шерифом этого города и...

Закончить историю про бандита, который в прошлом был представителем закона, кузнец не успел – вернулся Марк.

– Я послал Стива за доктором.

– Спасибо, сэр! – сказал кузнец и попытался подняться.

Общими усилиями мы подняли его на ноги и посадили на стул. Через некоторое время вернулся Стив с лекарем, которого, судя по состоянию одежды, вытащили прямо из кровати и приказали собираться. Пожилой врач с опаской покосился на улицу, потом вздохнул и поставил чемоданчик на стол.

– Ну-с, джентльмены, показывайте свои дырки.

На улице уже совсем рассвело. Это было чертовски хорошее утро.

9

Местный гробовщик, поразительно похожий на персонажа Георгия Вицина в фильме «Деловые люди», с самого утра досаждал шерифу вопросами, которые можно было свести в один: кто будет оплачивать похороны этих бездельников, которые устроили горожанам столько неприятностей? Судя по его репликам, самой большой проблемой были разбитые окна у соседей и шум выстрелов, который беспокоил жителей до самого утра.

Узнав, что хоронить будут за счет города, гробовщик воспрянул духом и предложил сделать оптовую скидку, если заботы предоставят его конторе, а не бездельнику Кацману, который экономит на всем и даже гробы делает из сырой древесины. Казалось, еще немного, и он возмущенно ткнет пальцем в небо: «Нимфа», туды ее в качель, разве товар дает?» Увы, но этих известных слов я так и не дождался.

Тем не менее маленький гробовщик в черном котелке и ветхом сюртуке развил такую бурную деятельность, что, казалось, занял весь офис. Его было слишком много. И как только его покойники терпят? Шериф, судя по всему, думал так же. Он поморщился и указал тому на дверь, приказав забирать дохляков, как только мистер Стив закончит осматривать их трупы. Гробовщик успокоился и моментально испарился, открыв задницей дверь и пообещав сделать все в лучшем виде. Бойкий старичок.

– Что будет со мной? – спросил я, когда мы остались одни.

– Забирай свои вещички и можешь идти на все четыре стороны, – отмахнулся Марк и сделал небольшую паузу. – И еще...

– Что?

– Ты нам очень помог. Спасибо.

– Не за что.

– Кстати, – он поднялся и протянул мне руку, – меня зовут Марк. Марк Брэдли.

– Александр Талицкий.

Мы пожали друг другу руки, и я вышел на улицу. Ярко светило солнце. На прилегающих улицах начали появляться люди. Они осторожно выходили из домов и оглядывались по сторонам, надеясь не попасть под запоздалый выстрел. Самые любопытные подходили поближе, благоразумно огибая убитых, лежавших перед конторой шерифа. Какой-то мужчина, судя по ящику с инструментами – плотник, торопился немного подзаработать. Он топтался на веранде, старательно морщил лоб и даже вздыхал, подсчитывая возможные издержки.

Я отошел на несколько метров и осмотрел дом. Неплохо здесь постреляли: весь фасад в пулевых отметинах, и ни одного уцелевшего стекла. Кстати, в доме напротив с этим тоже обстояло не лучше. Какая-то дряхлая старуха уже подметала осколки на веранде и зло поглядывала в нашу сторону. В общем, мы тоже позабавились от души... Можно сказать, ни в чем себе не отказывали.

Контора шерифа, из которой я вышел, находилась неподалеку от речной пристани. Это здание было построено в самом начале оживленной улицы, которая вела к центру города. Я, еще ошалевший от последних событий, немного потоптался на месте и... повернул обратно.

– Тебе чего? – удивленно спросил шериф. Он даже сигару забыл прикурить, хотя за этим занятием я его и застал.

– Мне бы в гостиницу.

– Тебе что, нужен провожатый или ты боишься заплутать в городе?

– Ну... как тебе сказать, – замялся я.

– Нет денег, – понимающе кивнул Марк.

– Я прибыл издалека и...

– Поиздержался в дороге, – вздохнул шериф и посмотрел на меня. – Поверь, Алекс, ты не первый, который прибывает в этот город с пустыми карманами. Хм... Правда, они и выглядят попроще. Если честно, то я даже слегка удивлен. Ладно, это не важно. Могу предложить на выбор три оружейных лавки, которые с радостью купят твои стволы, или ломбард, в котором сможешь заложить что-нибудь из вещей. Часы, например. На несколько дней хватит, а там подыщешь какую-нибудь работенку. На пристани или лесопилке. Платят немного, но на жизнь хватит.

– Скажи, а где здесь можно обменять золото? – осторожно спросил я.

– У тебя есть золото? – недоверчиво покосился Марк.

– Немного. Поможешь?

– Тогда тебе в банк. Ладно, – вздохнул шериф и поднялся, – пошли, провожу. Тем более что мне и самому туда нужно. Только надо найти Стива, чтобы присмотрел за порядком.

Стива мы нашли, а точнее, услышали. Рыжий уже шел в нашу сторону, увешанный трофеями, как новогодняя елка, и делал вид, что ужасно занят. Следом семенила та самая старуха с метелкой и костерила его от всей души, попрекая за кривые руки и врожденное косоглазие, из-за которых она лишилась пяти окон и нанесла непоправимый ущерб здоровью, ползая ночью под пулями. Ее послушать, так вся ночная потасовка были затеяна лишь для того, чтобы разбить стекла и уничтожить два цветочных горшка на подоконнике.

Помощник вяло отбрехивался, обещая похлопотать насчет компенсации, но старуха, судя по всему, не верила. Она яростно трясла метлой и обещала найти управу на двух оборотов со звездами и этого болвана Чака, который еще полгода назад обещал ей выковать оградку для садика, но так и не появился. Как я понял, мне очень повезло, что она не знала моего имени. Марк увидел эту картину, резко погрузстнел, что-то невнятно буркнул и поволок меня в сторону, стараясь оставаться в тени деревьев, посаженных вдоль улицы.

– Какая милая старушка, – успел заметить я.

– Ведьма старая! – прорычал шериф и добавил еще несколько эпитетов, настолько емких и красочных, что я не решусь их повторить в приличном обществе.

Забегая немного вперед, могу сообщить, что Ривертаун оказался не таким уж маленьким городом. Здесь проживало около семисот жителей, и еще человек двести попадали под разряд «временно проживающих». Они прибывали сюда со всей округи, чтобы отправиться вниз по реке, или, наоборот, приплывали с низовий на пароходе и расползались, как тараканы, по окрестностям, чтобы найти свой кусочек счастья на диких землях. Или поймать пулю, но это, как вы понимаете, дело личного везения.

В общем, постоянная круговерть! Само собой, город бессовестно пользовался этим выгодным положением, предоставляя желающим все необходимое. Три оружейных лавки, четыре борделя и добрый десяток салунов, не считая двух кузниц, пяти магазинчиков и двух похоронных бюро, которые по совместительству занимались и медицинской практикой. По крайней мере, так было написано на их вывесках.

Кстати, мне повезло! Сомнительное везение, если честно, но уж какое есть: познакомился с обоими гробовщиками. Йосиф Кацман, который встретился нам по дороге, сунулся к шерифу по «очень важному делу», но был фраппирован, узнав, что похороны вместе с заработком уплыли из-под носа. Чернявый гробовщик с вселенской скорбью во взгляде сообщил, что «так дела не делаются» и он «найдет управу» на этого «пройдоху и пьяницу», то есть своего конкурента.

– А у вас здесь ничего так, – сообщил я, когда мы отделались от Йосифа.

– Что? – не понял Марк.

– Живенько...

– Ну да, конечно. Просто обхохочешься, – хмуро заметил шериф.

Дома на окраинах были бревенчатыми. По мере приближения к центру они как-то незаметно исчезали, уступая место двухэтажным щитовым домикам на вполне приличных каменных фундаментах. Нет, здесь тоже попадались бревенчатые дома, но выглядели они так изящно, что самый придирчивый архитектор не обвинил бы их в грубости линий.

К числу достопримечательностей можно отнести и мэрию – двухэтажный особняк в центре города, и парочку кирпичных зданий – банк и тюрьму – для тех, кто по счастливой случайности избежал виселицы. Тоже, как вы понимаете, не самое лишнее здание в городе.

В банке, куда меня привел Марк Брэдли, я, немного смущаясь, выложил на конторку пятьдесят граммов золота. Управляющий, осмотрев аккуратные квадратики, одобрительно кивнул и пересчитал все на местную валюту, выдав на руки положенную сумму и предложив открыть банковский счет. Пообещал подумать и заглянуть на недельке, когда «осмотрюсь», чем заслужил еще один одобрительный кивок и уверение, что мне «всегда рады».

Пока шериф что-то выяснял с управляющим, я присел в сторонке и начал рассматривать местную валюту. Мне выдали четыре золотых монеты и немного серебряной мелочи. Если позволить себе некоторую вольность в названиях, то четыре золотых червонца. Приличная монета, весом в десять граммов и диаметром около двадцати пяти миллиметров.

На реверсе обозначен номинал, по какой-то нелепой прихоти гравера или художника записанный дробью. На месте числителя цифра «10», а на месте знаменателя – разлапистая буква «М». Довольно тонкий кантик, рубчатый гурт. На аверсе – венок из дубовых листьев и пятиконечная звезда. Скромненько и со вкусом.

Серебряные монеты были разных размеров и номиналов. Одна марка, две марки и пять марок, весьма однообразно оформленных. На одной стороне номинал, украшенный растительным орнаментом, а на другой – уже известный вам герб.

Чтобы закончить со здешней нумизматикой, я, пожалуй, добавлю, что кроме полновесных монет существовали и биллонные – разменные. Они назывались центами и изготавливались из низкопробного серебра. Стал обладателем сорока девяти марок и не имел ни малейшего понятия, много это или мало.

– Ты уже закончил разглядывать свои богатства? – спросил Марк.

– Вполне.

– Пойдем покажу, где сможешь нормально выспаться, не тревожась за свои карманы.

Шериф проводил до дверей «пансиона» и представил чопорной, но очень симпатичной хозяйке, которая сдавала комнаты «приличным одиноким джентльменам» с завтраком, включенным в цену проживания. Я так устал, что даже не расслышал цену. Марк попрощался, пригласил заглянуть на рюмку чая, когда выплусь, и откланялся.

Комната... Да, конечно. Уютная комната на втором этаже. Деревянные стены, гардины с рюшечками и даже войлочный коврик на полу. Хозяйка выдала мне ключ, сказала, что при нужде можно обратиться к прачке, живущей по соседству, и оставила меня одного.

Я положил вещи на пол, сел на кровать и огляделся. Двусторчатый шкаф, стол, два стула и пустая книжная полка. Рядом с кроватью – тумбочка, на которой примостились стеклянный графин, два стакана и пепельница. Вынул из кармана часы, щелкнул крышкой и понял, что со времени последнего выстрела прошло всего лишь три часа.

И тут меня накрыло...

Огромной и удушливой волной захлестнул страх. Я не психолог и не имею ни малейшего понятия о тайнах человеческих душ. Тем более в таких ситуациях. Страх накатывал с такой силой, что у меня скулы свело. Вдруг понял, что в меня стреляли, могли и должны были убить, но я опять, благодаря невероятному везению, выжил. Выжил, хотя по всем законам мироздания должен был погибнуть. Меня чуть не прихлопнули, как глупого новобранца, который впервые в жизни попал под обстрел, едва не наложив в штаны от страха.

Трясущими руками достал фляжку с коньяком и налил полстакана. Махнул залпом, даже не чувствуя вкуса. Немного посидел, вспомнил добрым словом Михалыча и добавил еще столько же. Закурил и уставился куда-то в стену, пока на душе немного не потеплело. Докурил и завалился на кровать.

Пусть этот мир подождет. Спать...

10

– Мистер Алекс... – укоризненно заметила хозяйка, заметив утром мою опухшую морду.

– Извините, миссис Грегори, – вздохнул я. – Вчера был жутко тяжелый день, вот и...

– Понимаю... – поджала губы она. – Весь Ривертаун только и говорит про ночную стычку. Вы, надеюсь, в этом не участвовали?

– Боже меня упаси! – отмахнулся я. – Только присутствовал.

Хозяйка благосклонно кивнула и, можно сказать, поверила. Она вздохнула и налила мне чашку кофе. Вот и какого черта меня тянет на глупые шутки в этом поперечном мире? Или это нервное?

– Ваш кофе...

– Благодарю вас, миссис Грегори.

Я спал почти сутки, отходя от стрессов, полученных за последние несколько дней. Как-то все сразу навалилось, закручивая и без того запутанную ситуацию с моим появлением в этом мире. С другой стороны – можно сказать, что я неплохо легализовался. Не прошло и недели, как успел посидеть за решеткой, вляпаться в разборки между шерифом и главой местных бандитов и даже выпить в одиночку.

Просто сумасшедшая карьера для простого переводчика.

День начался с приличного завтрака и хорошо приготовленного кофе, что меня искренне порадовало. Поблагодарив хозяйку, я поднялся к себе в комнату. Итак, господин Талицкий, пора начинать работать! Надо прогуляться по городу, осмотреться и зайти к Марку, чтобы прояснить некоторые вопросы. Узнать местные правила и порядки. Можно было поболтать с хозяйкой, но сомневаюсь, что она будет в восторге от моего невежества. Она и так косилась на мой наряд, который не совсем походил на костюм джентльмена. В этой одежде, кстати очень удобной, я был похож на безмозглого придурка, который заказал у портного наряд сельского жителя. Уж слишком он дорого выглядел, учитывая материал и качество пошива. Местные модельеры так не пошьют, да и качество ткани другое.

Если честно, то я даже не знал, что делать с револьвером – взять или оставить. Дело в том, что на улицах было не так уж много вооруженных людей. Вчера, когда мы шли в банк, я успел заметить нескольких почтенных горожан, у которых под сюртуком мелькнули кобуры с револьверами, но большая часть жителей обходилась без этой карманной артиллерии. Немного подумав, решил, что лишним не будет. Тем более что утро было прохладным, а куртка доходила до середины бедра и прекрасно закрывала мой арсенал.

Надеюсь, что вы простите некоторую сумбуурность повествования. Как бы там ни было, но ученый из меня никакой, а уж тем более исследователь иных миров. После того как я попал в Ривертаун, меня не покидало чувство, что угодил на костюмированный праздник. Здешние люди были похожи на людей из нашего мира, разве что живущих в другой эпохе и говоривших на странном английском языке. Некоторые слова и выражения были не совсем понятны, но эта проблема появилась чуть позже, когда начал больше общаться с местным населением.

Выйдя из дома, я закурил, ответил на приветствие соседа, который вежливо приподнял шляпу, и отправился в сторону конторы мистера Брэдли. Шериф оказался на месте и был искренне рад, что я зашел. У него как раз сидела очередная старушка, недовольная ночным переполохом, и жаловалась на своего соседа. В общем, стучала старушка, как настоящий барабанщик. Даже чем-то родным, до боли знакомым повеяло. Увидев меня, пожилая миссис закончила рассказ и тихо удалилась, обещая заглянуть «когда мистер Брэдли освободится»

для очень важного разговора». Шериф тяжело вздохнул, пообещал сделать все от него зависящее и проводил гостью к выходу. Видимо, для того, чтобы она не передумала.

Всю дорогу думал, с чего начать поиски, потом махнул рукой на премудрости и рассказал шерифу о пропавшем брате. Естественно, без упоминания иных миров. Мол, был у меня брат-близнец, который отправился бродить по свету и вдруг исчез... Чем не версия? Не самая плохая история. Марк Брэдли курил, слушал и не задавал лишних вопросов. Наконец я выдохся и затих.

– В общем, ты ищешь своего брата, – подвел итог шериф.

– Да.

– Понимаю... Лет десять тому назад мой младший братец отправился с парнями на север, и с тех пор о нем ничего не известно, – вздохнул он. – Погиб, наверное, паршивец эдакий. Ну да ладно... И как ты собираешься его искать?

– Если честно, то понятия не имею, – признался я и вытащил из кармана конверт. В нем находилось несколько фотографических карточек. Портреты Влада Талицкого, выполненные в старинном стиле, которыми меня снабдили «на том свете». – Есть несколько фотографий, но не думаю, что они сильно помогут.

Марк посмотрел на карточки и покачал головой.

– Нет, я такого не припомню. Когда он пропал?

– Около трех лет тому назад.

– Хм... Три года назад я жил в Брикстоуне и здешние жители меня мало интересовали. Тем более что в этих краях было жарковато. Не хочу тебя расстраивать, приятель, но люди здесь чаще погибали, чем рождались.

– Понимаю, но мне кажется, он все-таки жив.

– Если ты так уверен, то будем надеяться, что так оно и есть. Поговори с банковскими клерками и барменами из салунов. У этих мальчиков хорошая память на лица, может, кто-нибудь и вспомнит.

– Спасибо, Марк! Пожалуй, так и сделаю.

– Не за что... Заходи, если что-нибудь понадобится.

– Не откажешься перекусить?

– Ты хитрый мальчик! Думаешь, если появишься со мной в каком-нибудь ресторанчике, то люди будут охотнее отвечать на твои вопросы?

– Даже в мыслях не было, – поморщился я.

– Ладно, не обижайся, – отмахнулся шериф. – Пошли, съедим что-нибудь. Тем более что сегодня на удивление тихо.

Мы вышли из конторы и пошли по направлению к набережной. Я проводил взглядом одного забулдыгу, который, несмотря на раннее время, был навеселе, и Марк, перехватив мой взгляд, объяснил:

– Этому пьянице можешь не удивляться. Два года тому назад он был почтенным отцом семейства, но семью убили при попытке ограбления, и он запил. Не самый лучший способ справиться с горем, но каждый волен распоряжаться судьбой по своему усмотрению.

– Да, пожалуй, ты прав. Хотел спросить...

– Спрашивай, – кивнул Марк и поднес руку к шляпе, приветствуя почтенную матрону.

Не оставалось ничего другого, как сделать то же самое. Надо привыкать быть вежливым.

– Часто пошаливают?

– Как тебе сказать, приятель... День на день не приходится. Бывают тяжелые дни, и тогда мы разве что не живем на улицах. Народ здесь спокойный, но перед прибытием парохода скапливается разная шваль, всегда готовая пырнуть тебя ножом.

Вот так, мило беседуя о разных душегубах и пьяницах, мы добрались до ресторанчика или харчевни, это уж как вам больше нравится. На вывеске был изображен какой-то пузатый зверь с дробовиком наперевес. Если честно, то я не особо разглядывал.

Разница между баром и рестораном была лишь в длине барной стойки. Как выяснилось позднее, это ограничение введено из-за налогов. Бары платят больше, но могут работать до двух часов ночи, а рестораны закрываются в десять часов вечера.

– Кстати, хотел спросить насчет оружия, – начал я, когда мы сделали заказ и устроились на веранде.

– Что именно тебя интересует?

– В городе есть какие-то правила, которые касаются стрельбы и прочих... развлечений?

– Хм... Как тебе сказать, Алекс... – поморщился шериф. – Будь моя воля, я бы отобрал у жителей не оружие, а ножи. Именно с помощью ножей, которые есть в каждом доме, гибнет больше всего народу. Как понимаешь, это несбыточная мечта! Приходится с этим мириться, давая зарабатывать таким парням, как мистер Кацман и старик О'Хара. Это тот самый гробовщик, которого ты видел вчера в конторе, – пояснил Марк.

– Часто стреляют?

– Где?

– На улицах или в предместьях.

– Вот еще! – фыркнул Марк. – Скажу тебе честно: не представляю идиота, который будет тратить патроны и палить по консервным банкам. Разве что очень богатый человек, но таких в Ривертауне мало. Законы у нас простые: нельзя насиловать женщин, похищать и убивать людей. Красть скот и лошадей тоже нельзя. Разумеется, это не касается самообороны и людей, которые объявлены вне закона. Если тебе повезет подстрелить какого-нибудь мерзавца из этого списка и доказать его смерть, то получишь награду.

– Нет, не надо мне таких приключений.

– Согласен, – кивнул Марк, – это не самое лучшее занятие. Ты ведь понимаешь, что эти парни не будут стоять и ждать, пока будешь доставать свой дробовик из чехла? Эти сволочи попытаются удрать как можно дальше, а при случае пальнут тебе в спину.

– В спину?

– А куда же еще? – искренне удивился он. – Неужели ты полагаешься на их совесть?

– Я думал, что честный поединок...

– Алекс, ты в своем уме? Какой, к черту, честный поединок между охотником и дичью? В этом деле, как на охоте, нужно быть дьявольски хитрым и осторожным. Преступники – такие же звери, как и медведи.

Шериф хотел что-то добавить, но хозяин принес заказ, и мы принялись за похлебку. Надо заметить, густую и вкусную. Чечевица, наваристый мясной бульон. На второе принесли картошку и кусок жареного мяса, щедро посыпанный зеленью.

Пока обедали, я сидел и думал о его словах. Не вязались они с картиной, которую мы привыкли видеть в фильмах. Да, это другой мир, но я сомневаюсь, что в нашем мире все было иначе. Так что все поединки на пыльных улицах, пронзительная музыка и благородные бродяги с честными лицами остались лишь красивым воспоминанием о кинематографе.

На десерт нам подали кофе и предложили сигары, но Марк курил свои, а я предпочел сигареты. Тем более что у меня еще оставалось несколько штук. Закурили, вытянули ноги и усталились на реку. Кстати, река широкая. Виднелось несколько рыбачьих лодок и даже большой плот, на котором стоял шалаш. Какой-то рыжий мальчуган сидел на берегу и удил рыбу. Идиллия...

В общем, еда мне понравилась, и даже пиво было вполне приличным. Обед на двоих, вместе с пивом и кофе, нам обошелся в девяносто пять центов. Пять центов я оставил на чай, обеднев, таким образом, на одну марку. Шериф порывался внести свою лепту, но я только

отмахнулся. В итоге мы вернулись в контору, чтобы поговорить и выпить по стаканчику бренди.

В офисе уже сидел Стив, который ездил по каким-то делам и вернулся обратно злым и грязным. Легкий плащ, который он бросил на стул, был покрыт пылью и брызгами грязи, хотя погоды стояли сухие.

11

– Что за дела, Стив? – спросил Марк, бросив шляпу на стол. – Ты обхаживал очередную фермерскую дочку и проспал на службу?

– Если бы... – поморщился рыжий. Потом увидел меня и кивнул: – Привет, Алекс.

– Привет.

– Рассказывай, – сказал Брэдли и присел на край стола.

– Один из вчерашних бандитов, участвовавших в перестрелке, был ранен и разминулся с приятелями. Ему удалось улизнуть, и он спрятался на дровяном складе у старой пристани. Служитель говорит, что ничего не видел, но вы же знаете местных – они и шагу не сделают, если где-то мелькает тень банды Фоули.

– Вот так... – заметил Марк и хмыкнул. – Кто именно, не знаешь?

– Нет. После него остались лишь окровавленные тряпки и несколько револьверных гильз. Когда стемнело и суматоха немного улеглась, он украл лодку и отправился вниз по реке.

– Почему именно вниз?

– Его видел один фермер, который и прислал за мной мальчонку. Парень прискакал перед самым рассветом, вот я и отправился глянуть.

– Ты болван, Стив Палмер! Какого черта ты отправился в одиночку?!

– Так дорога-то мне известна... – ухмыльнулся рыжий помощник.

– Ну да, конечно! Там неподалеку живет одна горячая вдовушка, если не ошибаюсь?

– Да, сэр!

– Удалось что-нибудь обнаружить?

– Увы... Брошенную лодку и немного крови.

– Где именно? – спросил шериф.

– Неподалеку от заброшенной фермы. Той самой...

– Да, я помню...

Они весело заржали и начали что-то обсуждать, но я уже не слушал. Смотрел на кучу добра, сваленного в углу комнаты, и не мог понять, что именно привлекло мое внимание. Глаз зацепился за какую-то мелочь, дал сигнал мозгу, и все – Стив перебил внимание своим рассказом. Я даже губу прикусил, пытаюсь вспомнить это мимолетное чувство удивления. Черт бы побрал этого помощника с его рассказами. Да, хреновый из тебя детектив, мистер Талицкий. С другой стороны – кто на кого учился!

– Алекс? – спросил Марк.

– Что? – задумчиво переспросил я и провел рукой по лбу.

– Ты уставился на этот хлам, будто нашел золотую жилу, – хмыкнул Палмер.

– Парни, а чьи это вещи?

– Трофеи, – усмехнулся Стив и пояснил: – Трофеи, которые собрали на трупах. Я забрал только оружие, а гробовщик притащил все, что нашел в карманах этих бездельников. Старик О'Хара, надо отдать ему должное, хоть и пьяница, но честный, без обмана! Что именно тебя заинтересовало?

– Да так... – отмахнулся я и подошел поближе.

Четыре широких ремня с револьверными кобурами. Два вороненых револьвера. Еще один револьвер, правда капсюльный. Похож на «Colt Navy», который мне так не понравился во время обучения, но ручка другой формы. Тесак с широким лезвием, деревянная фляга... Нет, не то... Разукрашенные шпоры, еще один нож – складной, с роговыми накладками. Серебряный портсигар, курительная трубка. Кожаный кисет для табака... Ложка! Повертел

в руках и на оборотной стороне заметил клеймо, забитое грязью. Поскреб ногтем и выругался, выдохнув брань сквозь крепко сжатые зубы. Так и есть: «нерж.»

– Это что, ложка твоего брата? – спросил шериф и переглянулся со Стивом. – Ты уверен?

– Да. Я могу увидеть трупы?

– Если еще не закопали... – неуверенно сказал Стив Палмер.

– Надеюсь, что нет.

– Это становится интересным, – подал голос шериф и взял шляпу. – Пошли, прогуляемся в царство мертвых!

Настроение, что и говорить, было хреновым. При любом исходе этой прогулки ситуация переставала радовать. Нет, я даже не думал, что Влад мог примкнуть к местным мизераблям. Плохо другое – что один из этих бандитов каким-то образом завладел его вещами. Ложка... Будь это кусочек золота или нож, я бы еще мог понять: потерял, продал. Подарил, наконец. Но ложка... Глупость какая. Такая вещь могла попасть только вместе с другими вещами, но ничего похожего я там не обнаружил. Не самый приятный факт.

В погребальную контору, расположенную на окраине города, мы успели как раз вовремя. Старик О'Хара только что забил последний гвоздь в крышку третьего гроба и собиравшись запрячь лошадку, чтобы отправить клиентов на небольшую прогулку, в компании двух парней с хмурыми лицами и лопатами.

Не самое приятное чувство – разглядывать мертвых. Тем более если рискуешь увидеть родственника. Мне повезло – Влада среди них не оказалось. Стало немного полегче, но ненадолго. Неужели шериф прав? Нет, не может этого быть. Если эти проклятые датчики, имплантированные в тело, работают, то он жив! Жив, черт бы меня побрал!

– Мне искренне жаль, Алекс, но если вещь оказалась у них... – Шериф кивнул на гробы и скорбно покачал головой. – Если здесь грабят, то... В общем, ты понимаешь.

– Понимаю, – сказал я, – но мне кажется, он еще жив.

– Дай-то бог... – произнес Марк Брэдли. Вздохнул и похлопал меня по плечу. – Пошли в офис, сынок. Нам нужно немного выпить.

Посидели, поговорили о жизни. Даже немного выпили. Для поддержания разговора, не больше. Парни пили виски, разбавляя его водой, так что это не выпивка, а слабоалкогольный коктейль. Пьют здесь редко и мало. Жизнь у шерифа слишком опасная, чтобы расслабляться. Да, опять забегаю вперед, но ничего не поделаешь – никогда не умел рассказывать.

Сидел, слушал парней и крутил в руках найденную ложку. Надо будет завтра прогуляться в банк и поболтать с клерком. Мало ли... Вдруг мне повезет и Влад тоже менял там золото? Я допил виски, поставил стакан на стол и поднялся.

– Ладно, парни, спасибо вам. Пойду отдыхать.

– Не за что! Заходи еще.

– Обязательно.

Вышел на улицу, вдохнул свежий воздух и отправился домой. Хотел закурить, но сигареты закончились, а трубка осталась в рюкзаке. Повернул на соседнюю улицу и увидел вывеску табачной лавки, которая находилась рядом с баром.

Какой-то здоровенный парень стоял у входа в бар и размахивал пивной кружкой. Рядом с ним галдели приятели, а он щелкал пальцами и тщательно, с пьяным усердием стряхивал несуществующие пылинки с лацкана пиджака. Парни одобрительно шумели и требовали принести еще пива и виски. Покупку, надо понимать, обмывали, черти...

Из дверей бара выскочила какая-то девчужка с тяжелым кувшином в руках. Скорее всего из числа кухонной прислуги или рассыльных. Она так торопилась, что не успела увернуться от лап этого здоровяка, который размахивал руками и выбил кувшин, да так неудачно, что выплеснул пиво на свой новый пиджак. Заревел, как раненный в задницу мед-

ведь, и тыльной стороной ладони наотмашь ударил девчонку. Она даже крикнуть не успела. Упала на землю, пролив остатки пива на свое платье. На губах показалась кровь.

– Сучье племя... – выругался парень.

Приятель загалдели, выражая свое сочувствие по поводу испачканного костюма.

– Эй, тварь! – крикнул я.

– Что тебе надо, придурок? – Здоровяк повернулся ко мне и удивленно вытаращился.

Да, здесь другие времена и нравы, но для меня это не важно. Где-то в глубине родилась ярость. Глухая, безудержная ярость, которая требовала выхода. Как выражались в нашем мире – «планка упала». Упала быстро, с тяжелым железным лязгом. Перед глазами мелькнуло лицо дочери на больничной койке. Она всего на пару лет младше этой малышки, лежащей на пыльной мостовой Ривертауна с разбитым в кровь лицом.

– Иди сюда, сука... Быстро!

– Что?! – заревел он.

Инструктор, гоня меня по спортзалу, говорил, что невозможно за один месяц сделать из человека воина, но можно обучить человека двум или трем приемам, доведя их исполнение до полного автоматизма. Вбить эти приемы в голову, чтобы они остались там навсегда.

Следуя этой методике, вы не сможете подготовить бойца для ринга, но человека, который способен защититься – вполне. Тем более что приемы, которым обучал Михалыч, были жесткими и грубыми. После таких, как правило, нападающий не захочет продолжать атаку. Просто не сможет.

Что было потом? Да так... ничего особенного...

– Алекс... – Шериф поморщился и почесал бороду. – Раздери тебя дьявол! Ну что ты за человек такой?.. Вредный... Мы со Стивом уже собирались закрывать лавочку и отправиться по домам, как прибегает мальчонка из табачной лавки и кричит, что тебя убивают! Ладно бы это оказалось правдой! Старик О'Хара как раз сделал новый гробик на продажу! Так нет же! Прихожу – и что я вижу? Вижу парня, которому ты сломал руку, выбил несколько зубов и окончательно испортил костюм, купленный в лавке...

– Лавке мистера Финча, – подсказал Стив и ухмыльнулся. – Я покупал там новую шляпу и видел этого парня.

– Это так? – с неожиданной злобой рявкнул Марк, обращаясь к потерпевшему.

– Да, шэр! – вздрогнул парень. – Пятнашть марок и пятьдесят шентов, шэр!

– Вот... – благодушно кивнул шериф и посмотрел на меня. – Испачкал костюм, а кровь, между прочим, очень плохо отстирывается!

– Шэр, этот миштер мне угрожал!

– Заткнись, паскуда, – не поворачивая головы, отрезал Брэдли.

– Извини, Марк, – вздохнул я.

– Как все началось?

– Он ударил девочку и... В общем, я слегка сорвался.

– Да знаю я, знаю... Уже рассказали. У тебя есть дети?

– Дочка.

– Понятно, – протянул Брэдли и посмотрел на жирдяя, который сидел на стуле, пускал розовые слюни и баюкал сломанную руку. – Дьявол... такой вечер испортили.

– Шэр, этот шеловек первым меня ударил! Вше видели!

– Да ну? – Шериф удивленно дернул бровью. – Мне кажется, приятель, что ты лжешь.

Нагло, и не кому-нибудь, а представителю закона.

– Нет, шэр! Это...

– Ты хочешь сказать, что этот паренек уложил такого буйвола, как ты?!

– Ребята, которые были шо мной, обаятельно подтвердят!

– Твои собутыльники разбежались, как только на улицу выскочил бармен! – усмехнулся шериф и повернулся к своему помощнику. – Стив!

– Да, сэр? – весело отозвался Палмер.

– Закрой этого жирдяя в камеру и вызови врача. Через пару дней приедет судья и вынесет ему приговор.

– За што, шэр?!

– Не знаю, – пожал плечами шериф и зевнул. – Судье виднее. Только я тебе вот что скажу, приятель: у нашего судьи, дай Бог ему здоровья, три сына и дочка. Малость постарше той, которую ты сегодня ударил. Судья просто души в ней не чаёт. Смекаешь?

Марк покачал головой, наблюдая, как парня отправили в камеру, и повернулся ко мне:

– Пошли, провожу тебя до миссис Грегори, а то опять куда-нибудь впутаешься! – Он нахмурился и даже прицелился в меня пальцем. – Не дай бог, мистер Талицкий, если нечто подобное повторится!

12

– Нет, сэр, не помню этого джентльмена, – покачал головой банковский клерк, наглухо затянутый в черный сюртук. – Рад бы вам помочь, но я работаю в Ривертауне всего полгода.

– Может быть, кто-то из старых сотрудников вспомнит?

– Сомневаюсь, сэр! Год тому назад банк ограбили. В перестрелке были убиты три клерка и даже кассир нашего отделения. Мне очень жаль, сэр...

– Жаль... – вздохнул я и смахнул с конторки фотографии. – Спасибо!

– Всегда рады вас видеть, мистер Талицкий!

Я вышел из банка и поприветствовал незнакомого мужчину, который вежливо приподнял шляпу. Это меня не удивило – городок маленький, и жители каким-то внутренним чутьем разделяют тех, кто ждет прибытия парохода, и тех, кто решил немного задержаться.

Из четырех человек, опрошенных этим утром, никто не помнил Влада. Банковский клерк даже поморщился, когда я начал задавать вопросы, и пробормотал что-то о банковской этике. Чтобы развязать ему язык, пришлось разменять еще пятьдесят граммов золота и открыть счет, получив красивую чековую книжку с золотым тиснением на обложке: «Юго-Западный Банк. Отделение Ривертауна». Комиссия за обмен при зачислении на счет не взималась, и на моем счету оказалось ровно пятьдесят марок.

Не знаю, будет ли вам интересно, но я, пожалуй, немного расскажу о ценах этого мира. Не переживайте, это будет не самая длинная лекция на свете. Начну с заработков. Средний класс – ремесленники и клерки – зарабатывали от тридцати до сорока пяти марок в месяц. Погонщики скота – не больше двадцати пяти, но их обеспечивали бесплатной едой и рабочей одеждой. Да, те самые ковбои, которые в нашем мире окружены ореолом мужественности. Как оказалось, реальность далека от вымысла! Начиная с того, что никто из ковбоев не носил револьверов, без которых мы не представляем этих «романтиков» прерий.

Почему? Дорого. Револьвер – очень дорогая вещь. Цена доходила до двадцати пяти, а то и тридцати марок. Не каждый мог позволить такую вещь. Хозяева вооружали погонщиков обычными дробовиками. Да, именно хозяева. Никто из ковбоев, за редким исключением, не имел собственного оружия. Разве что главный погонщик носил какой-нибудь капсюльный револьвер, но скорее как символ своего статуса в команде. Самое распространенное оружие на этих землях – короткий дробовик. Убойная вещь! Винтовки носили охотники за головами, трапперы и представители закона. Фермеры тоже не особо увлекались оружием и следовали общей моде, держа наготове какой-нибудь древний карамультук, заряженный картечью.

Что касается продуктов и колониальных товаров, то большинство прекрасно обходилось дарами природы, покупая лишь промышленные товары, муку, соль и крупы. За комнату с завтраком я платил восемь марок в месяц, и еще марка уходила на услуги прачки.

Кружка пива – десять центов. Стаканчик виски – двенадцать. Сигары – от двух центов за штуку, но большинство здешних жителей или крутили самокрутки, или жевали табак. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать про цены в Ривертауне. Надеюсь, что цена женских кринолинов вас не интересует? Тем более что я понятия не имею, сколько стоят все эти кружева, рюшечки и бантики со шляпками. Единственное, что успел заметить – осиные талии местных модниц, но это заслуга тугих корсетов, а не особенность женских тел.

Не успел пройти и нескольких метров, как меня окликнули. Повернулся и увидел Марка Брэдли, который направлялся в сторону пристани. Черт побери! Можно подумать, что он меня опекает – уж слишком часто мы стали встречаться!

– Добрый день, шериф!

– Ну что, горячая голова, немного отошел после вчерашнего?

– Извини, Марк! Сам не знаю, что на меня нашло. Будто мешком по голове огрели.

- Все нормально. Тебе повезло, что этот парень не успел вытащить нож из кармана.
- Это ему повезло... – пробурчал я.
- И чтобы ты делал?
- Пристрелил бы... от страха.
- Да... – протянул шериф, – сдается, что я немного ошибся, посчитав тебя за рохлю.
- Я законопослушный гражданин.
- Да ну?! – искренне удивился мистер Брэдли, но было видно, что в его глазах плясали веселые чертенята. Они отплясывали такую джигу, что даже слепой бы заметил. – Это сильно сказано для человека, который еще вчера вечером спрашивал меня о законах Ривертауна, а потом пошел и сломал парню руку. Уже не говорю о выбитых зубах и костюме, который ты превратил в тряпку. Ладно, не переживай. У меня пока что нет к тебе особых претензий.
- Звучит не очень оптимистично.
- Как есть, – честно сказал шериф. – Кстати, я поспрошал О’Хару насчет ложки, которую ты нашел.
- Неужели что-то удалось выяснить?
- Ты будешь удивлен, приятель, но удалось. Старик нашел ложку не на самом трупе, как мы предполагали, а где-то рядом. Ее могли выронить из поясной сумки, когда кувыркались под нашими пулями. Смекаешь, к чему я веду?
- Этот бандит может быть жив.
- Правильно понимаешь. Когда возьмем банду, а мы ее обязательно возьмем, то сможешь поболтать с этими висельниками и кто знает – может быть, удастся узнать о судьбе твоего брата.
- Спасибо!
- Не за что, – отмахнулся он и кивнул на небольшой бар. – Пошли, выпьем по чашке кофе. Главное, мистер Талицкий, не нарывайся без причины. Кстати, чем думаешь заняться помимо поисков своего братца? Или ты не стеснен в средствах?
- Как тебе сказать, Марк... – пожал плечами я. – Смерть от голода в ближайшие полгода не грозит, а там посмотрим.
- Мы тут потрепались со Стивом...
- Хм... Не тяните, мистер Брэдли!
- Сразу к делу? Хорошее качество. В общем, мне нужен младший помощник.
- Помощник шерифа? – вытаращился я.
- Разумеется. Если бы я был банкиром, то эта должность звучала бы несколько иначе. Не уговариваю, но посуди сам... – начал Марк и сделал небольшую паузу. Он поднял руку, подзывая официанта, и показал два пальца. Парень в белом переднике кивнул, и уже через несколько минут перед нами появились чашки кофе и бренди. Шериф пригубил кофе, что-то одобрительно буркнул и вытащил из кармана сигару.
- Слушаю...
- Так или иначе, но ты задержишься в Ривертауне на пару месяцев, если не больше. Надо поговорить с фермерами, поболтать с ковбоями, которые навевываются в наш город, чтобы выпить пару кружек пива и заглянуть в бордель мадам Долли. Так?
- Согласен.
- Вот... – протянул он. – Это значит, что до поздней осени будешь жить здесь. Ездить по округе, общаться с людьми. Причем, мистер Талицкий, без особых шансов на откровенность со стороны местных жителей! Здешний народ не любит, когда кто-то задает вопросы, пусть они и звучат очень безобидно и отношения к этим людям совсем не имеют.
- Да, я это уже заметил.

– Вот... – опять затянул Марк и даже ткнул пальцем в небо. – Как видишь, дядюшка Марк не так глуп и знает, о чем говорит. Предлагаю возможность сочетать поиски со службой в нашей богоугодной конторе. Во-первых, сможешь задавать вопросы. Когда на груди висит жетон со звездой, то люди слегка разговорчивее. Во-вторых, это не будет стоить лишних денег, которых у тебя и так немного. Смекаешь, к чему веду?

– Смекаю. Просто я думал, что помощники шерифа – люди с опытом.

– Так думают многие, – согласился Марк. Он затянулся, аккуратно стряхнул пепел и окинул взглядом улицу. Время приближалось к полудню, и на улицах начали появляться люди, спешащие перекусить и выпить кружечку пива. Мимо нас прошел банковский клерк, приветливо приподняв шляпу. Мы кивнули в ответ и вернулись к нашему разговору. Точнее, Марк вернулся к своему монологу, а я слушал и кивал головой.

– Многие предпочтут видеть на этой должности хорошего бойца, который не один раз бывал под пулями и не боится пустить кровь своему ближнему. Да, это полезное качество на этих землях, но я думаю немного иначе. Пустить пулю в голову – дело нехитрое, но зачем увеличивать количество трупов на этой земле? Мне нужны умные люди. Люди, которые при необходимости смогут и поговорить, и договориться. Понимаешь?

– Не совсем...

– Ты или придуливаешься, приятель, или просто осторожничаешь, – ухмыльнулся Марк.

– Есть такое дело.

– Тогда засунь осторожность в задницу и прикрой шляпой! Я говорю серьезно, без всех этих словесных вывертов, которые так любят на юге. Мне нужен умный человек. То, что ты никогда и никого не убивал, дело поправимое. Я ведь не ошибаюсь? Тебе не приходилось стрелять в человека? Так, чтобы лицом к лицу?

– Нет, не приходилось, – честно признался я.

– Это хорошо! Значит, ты будешь осторожнее и умнее, чем эти забияки, которые только и ждут момента, чтобы пустить в дело револьвер. Но ты, я знаю, не трус. Стрелять умеешь?

– Конечно.

– Ладно, проверим при случае. Хорошо ездешь верхом?

– Сажу в седле, но не более того.

– Вот и прекрасно. Значит, договорились?

– Да, – машинально кивнул я, но тут же опомнился и поднял голову. – Чего?

Марк Брэдли не выдержал и расхохотался.

– Видел бы ты сейчас свое лицо, приятель! Так как? Пойдешь на службу городу?

– Что платят?

– Это уже правильный разговор, Алекс! Город платит сорок марок в месяц и оплачивает твоё жильё. Ты можешь продолжать жить у миссис Грегори, но если мы договоримся, то эти расходы будут оплачены городом. Если придется куда-нибудь ехать, то выделяются деньги на питание и фураж. Кроме этого, получишь лошадь и оружие, если тебя не устраивает своё собственное. Но скажу честно – твои стволы гораздо лучше тех, которые у меня отложены для помощника. Патроны получишь, но в пределах разумного. Если надумаешь палить по воронам, то будешь покупать патроны за свои деньги. Так как?

– Согласен, – кивнул я.

– Вот и славно! Завтра на пароходе вернется судья, который приведет тебя к присяге.

– Разве этим занимается судья?

– Этим занимается мэр, но он тоже в отъезде. Добровольных помощников набираю я сам и сам привожу их к присяге, но помощник шерифа – это персона посерьезнее, – закончил Марк и подмигнул. – Не так ли?

– Получается, так.

- Пошли в контору. Надо обрадовать Стива.
- Моим назначением?
- Разумеется. Теперь ты будешь варить кофе в нашей конторе. Палмер, надо отдать ему должное, хороший малый, но кофе варит ужасно. Ты ведь умеешь варить кофе?

13

– Вы обязаны призвать моих соседей к порядку!
– Что случилось, миссис Эшли?
– Это возмутительно! Они опять принялись за свое!
– Простите, миссис, – осторожно начал я, – но нет ничего противозаконного в том, что люди любят друг друга.

– Но не дважды за день!

– Ну... дело молодое.

– Что?!

– Хорошо, я постараюсь что-нибудь сделать.

– Вчера вы говорили то же самое! Вчера!

– Да, конечно.

– Как понимать это «конечно»?

– Я постараюсь вам помочь.

– Надеюсь, мистер Талицкий, вы не уподобитесь вашим коллегам, этим нечестивцам и бездельникам! – отчеканила миссис Эшли и поджала узкие и бескровные губы. Не заметив на моем лице должного почтения, она гордо дернула подбородком и вышла из конторы, закончив свой ежедневный утренний визит.

– Старая курица... – пробурчал я и даже вздохнул с облегчением, когда закрылась дверь за этим антикварным образцом благовоспитанности и порядка.

Миссис Эшли – та самая старушка, которая едва не отлупила метлой Стива за то, что во время перестрелки мы слегка подсократили количество стекла на ее веранде. Она до сих пор приходит с жалобами, хотя деньги за разбитые окна ей давно вернули. Даже стекольщика нашли и доставили, хоть он и упирался как мог. Парень два дня прятался от этого заказа, уверяя, что старуха все равно будет недовольна и сживет его со свету.

Теперь она взялась за меня и второй день подряд требует призвать к ответу ее соседей, которые слишком громко занимаются любовью. Ей, видите ли, мешает! Видимо, домашние кошки, которых у нее штук десять, перестают давить крыс и начинают строить глазки окрестным котам, что наносит тяжелую душевную травму вдовствующей миссис Эшли.

Шериф Брэдли рассказывал, что когда ее муж, мистер Эшли, узнал о своей болезни, то счастливо вздохнул и сказал, что наконец-то избавится от своей благоверной! Потом на месяц ушел в запой, отчего и скончался, не дождавшись того момента, когда смертельный недуг возьмется за него всерьез. Так и умер с бутылкой виски, блаженной улыбкой на устах и под пронзительный визг своей женушки. Святой человек был... Наверное.

Итак, дамы и господа...

С чего начнем? Работы или чашки кофе под неторопливый рассказ о последних событиях в этом городе? Я бы начал с кофе и сигареты, если вы не против. Жетон? Извольте! Это круглый знак диаметром около семидесяти миллиметров, изготовленный из серебра. Пятиконечная звезда на кольце с широким полем. Внизу надпись полукругом:

«Deputy Sheriff. Rivertown».

Позавчера в город вернулся судья и одним махом сделал несколько полезных дел: принял от меня присягу, вlepил месяц тюрьмы парню, которому я сломал руку, и вынес смертный приговор Джеку, из-за которого мы разбили окна старухе Эшли. Его повесили на рассвете, и занимался этим не самым приятным делом служитель тюрьмы. Я первый раз присутствовал при казни и скажу честно, было слегка не по себе.

Казнили без всякой помпы и ненужной публичности. Вывели на тюремный двор, прочли приговор, накинули петлю на шею и вышибли из-под ног скамейку. Подождав положен-

ное время, тело сняли и передали старику О'Харе, который опять обошел своего конкурента, чем был несказанно доволен.

Марк Брэдли, пользуясь моим назначением, забрал Стива Палмера, и они отправились вниз по реке. Настроение было... как вам сказать? Слегка возбужденное. Это, наверное, чувствуется по моему рассказу, не так ли? Парни меня уверили, что все будет нормально, а если что и случится, то ничего страшного – старик О'Хара живет рядом и всегда готов оказать помощь. Перевязать рану или снять мерку с очередного трупа. В общем, как и кому повезет.

С другой стороны – пароход ушел, и в городе было довольно тихо. Все, кто собирался уехать, уехали, а кто приехал, тихо осматривались. Часть новичков завербовали местные скотоводы и увезли из города, пока те не одумались. Да, труду ковбоев не позавидуешь. Сам я не пробовал, но Стив Палмер четыре года вкалывал на этом поприще и до сих пор плюется, когда вспоминает эту каторгу.

Кстати, про пароход! Первый раз видел колесную посудину с двумя дымовыми трубами, которая будто сошла с книжных иллюстраций. Метров шестьдесят длиной и около семи шириной, с двумя колесами по бокам и блестящими буквами на их защитных кожухах: «Утренняя звезда». Не знаю, почему именно «утренняя», но в город он пришел к полудню, и вся пристань была забита народом.

Что еще...

Кроме серебряной звезды, я получил короткий двухствольный дробовик, две дюжины картечных патронов и лошадь вместе с потертым седлом и упряжью. Спокойное создание. На жизнь смотрела по-философски неторопливо, любила хлебную горбушку с солью, но с таким же удовольствием хрустела морковкой. Что касается езды, то это отдельная история.

Служитель, который опекал офис, совершенно не удивился, увидев меня в новом статусе. Все называли его «мистер Малыш». Тот самый шаркающий растоптанными ботинками старик, которого я впервые увидел из-за решетки. Видимо, он тоже обладал философским складом ума и знал, что колесо Фортуны преподносит и не такие сюрпризы! Сегодня сидишь в тюрьме, а завтра сам кого-нибудь сажаешь. *Vanitas vanitatum et omnia vanitas!*⁴

Ладно... Шутки шутками, а дела делами. Тем более что появилось множество вопросов, на которые я не мог найти внятных ответов.

Первое, что начал рассматривать, оставшись один, – карта округа. Вы не представляете, с каким интересом занялся ее изучением! Не отказался бы и от карты мира, но таковой в офисе не нашлось. Спрашивать у Марка не хотелось, да и как бы это выглядело: «Скажите, а как эта страна называется?..» Надо будет наведаться в книжную лавку, тем более что ее хозяин как раз вернулся из Брикстоуна. Он доставил новые товары, свежие газеты и целый ворох сплетен, которыми охотно делился со своими клиентами.

Карта... карта... Черт бы ее побрал! Сначала в глаза бросается большое озеро Глория. То самое, у которого меня выбросило в этот мир. Продолговатое, с двумя большими островами. Затем река, которая носит название Лакки-ривер, протекающая мимо Ривертауна. Извилистая и довольно широкая. Она змеилась по карте, как обожравшийся кроликами удав, и уходила вниз, на юго-запад, где на самом краю карты был отмечен Брикстоун, до которого около пятисот километров. В окрестностях нашего городка отмечено около двадцати ферм. Двадцать три, если быть точным. Еще десяток хозяйств расположен вдоль берега реки. Приличный округ...

Первое, что меня смутило, – название карты: «Королевский округ Ривертаун».

⁴ Суета сует, и всё суета (*лат.*).

Следом за этим удивился белому пятну, которое начиналось в восьмистах километрах на север. Простое белое пятно. Конец географии, как выразился бы один знакомый, оставшийся «на том свете».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.